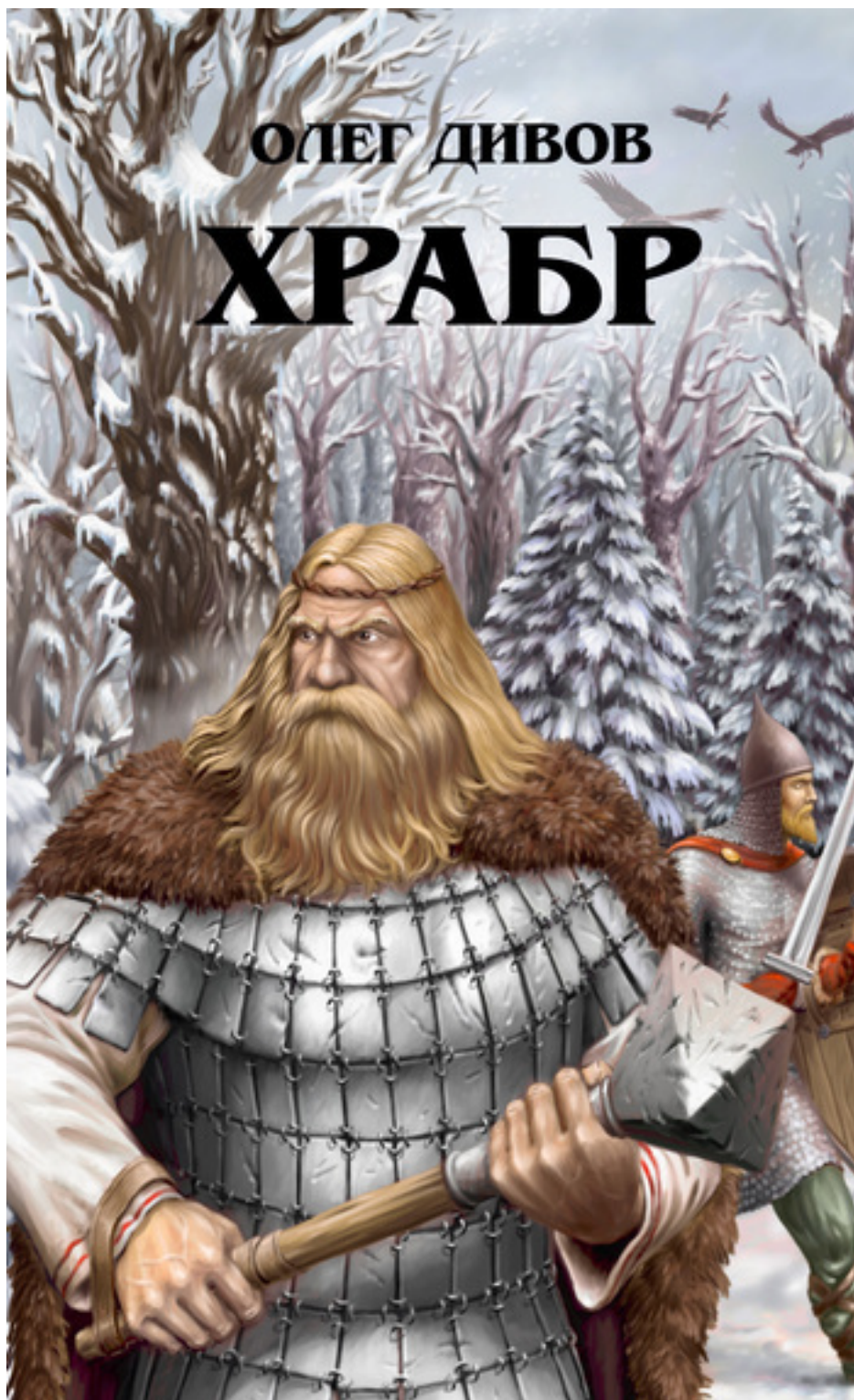

ОЛЕГ ДИВОВ

ХРАБР

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ

Храбр

«ЭКСМО»

2006

Дивов О. И.

Храбр / О. И. Дивов — «Эксмо», 2006 — (Новый Дивов)

ISBN 5-699-18663-8

Он знает цену золоту, но выше ставит дружбу, а всего выше – долг перед Родиной. Верует в Господа, но побаивается старых богов. Говорит на нескольких языках и сражается любым оружием. У него своеобразное чувство юмора, и он очень добрый. Неравнодушный, живой, в чем-то весьма ранимый человек. Храбр по имени Илья Урманин. Он живет в мире, где «людьми» называют лишь свободных. Это мир Древней Руси. Новая книга Олега Дивова – опыт глубокого погружения в этот яркий и сложный мир. Чтобы рассказать о нем простыми и честными словами, понадобился особенный герой. На самом деле Илья Урманин знаком вам с детства, только вы еще не видели его таким. Сейчас князь выпустит Илью из погреба – и тут герой себя покажет. Ему предстоят затеи, каких раньше не бывало, и чем он победит, никому не ведомо. Узнайте, как все было на самом деле. Не пожалеете. Или пожалеете, но будет уже поздно.

ISBN 5-699-18663-8

© Дивов О. И., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Дивов

Храбр

Часть первая

Храбр

Открылась низкая дверца, в подвал дохнуло морозом.

– Давай, выходи, – позвали снаружи.

В тесном узилище кто-то заворочался, кряхтя и сопя.

– Да выходи уже!

Из подвала в ответ рыкнули, глухо и недобро.

– У тебя медведь там? – на дворе хохотнули.

– Хуже медведя... Эй! Ну выходи скорее, князь тебя хочет.

Сквозь дверцу полезло нечто бурое и мохнатое.

– Ой, ё! – только и сказал шутник. Раздались быстрые удаляющиеся шаги.

– Гы! – отозвался стражник.

Нечто выкарабкалось из подвала, распрямилось во весь рост и оказалось человеческим существом. Нечеловеческих размеров – выше стражника на голову и вполовину шире плечами. Густая бурая грива и нечесаная борода скрывали лицо, вперед из буйных зарослей торчал крупный облупившийся нос. Существо куталось в медвежьи шкуры, свисавшие до пят. Внизу из-под шкур виднелись громадные ступни, замотанные в какие-то тряпки. А на уровне груди – кисть руки, страшная, с неестественно длинными пальцами. В руке существо держало огромные сапоги.

– Живой! – удовлетворенно заключил стражник и оглянулся.

Скрипя утоптанном снегом, по двору шел, переваливаясь, как утка, князь.

Существо, не нагибаясь, поставило сапоги наземь. Расчесало пятерней волосы на физиономии. Задрало голову к небу и прищурилось на утреннее солнышко. Со свистом втянуло ноздрями воздух. Закашлялось, сплюнуло на снег, утерлось.

– Ты князю не перечь, – посоветовал стражник.

Существо опять сплюнуло, уже прицельно.

– Чего он? – спросил князь, подходя.

– Ничего. – Стражник низко склонился в поклоне. – Живой, здоровый.

Князь встал перед узником, сложил руки на толстом животе и покачался с носка на пятку. Дышал он тяжело, ему было трудно носить лишний вес.

– Иди, – сказал князь стражнику. Тот поспешно удалился, на ходу отряхивая рукав и недовольно шипя.

Князь буравил существо взглядом. Существо молчало, хлюпая носом. Некоторое время на дворе были слышны только одышка князя и сопение узника.

– Ну? – спросил князь.

Существо закашлялось.

– Образумился?

Существо перестало кашлять, далеко сплюнуло в сторону и что-то нечленораздельно буркнуло.

– Вижу, образумился.

Существо приглушенно взрыкнуло.

– А ты не балуй, – посоветовал князь. – Чтоб ты знал: я зла не держу на тебя. Ну покуролесил, с кем не бывает.

Существо то ли хрюкнуло, то ли хмыкнуло. Опять запустило пятерню в волосы, отдернуло свалывшуюся челку, на князя уставились сверху вниз острые и злые серые глаза.

– Ишь, зарос... – сказал князь почти ласково. – Зверюга. Слушай, ты нужен. Послужика, ага?

Существо, нависая над князем, фыркнуло так, что тот попятился.

– Затея предстоит трудная и опасная. – Князь утерся рукавом. – Плеваться ты хорош, вижу. Припомни теперь, что умеешь драться.

Существо полезло рукой под шкуру и принялось там шумно скрестись.

– Кроме тебя, этого не сможет никто, – сказал князь.

Существо на миг перестало чесаться и поглядело на князя с некоторым любопытством.

– А за мной не пропадет, сам знаешь, – добавил князь. – Сделаешь – проси чего хочешь. И уж пир тебе почестен закатым будь здоров.

Существо засунуло руку под шкуру глубже, пытаясь достать до спины.

– На пиру со мной рядом сидеть будешь, – пообещал князь. – Повторяю: зла на тебя не держу. справишься – все станет по-прежнему. Не справишься... Нет, лучше бы справился! Возьмешь на подмогу самых опытных, из старшей дружины, Добрыня распорядится. Только помощи тебе от них особой не будет, я думаю... Твое это дело, понял?

Существо почесало-таки спину, запахнулось в шкуру плотнее, захрипело горлом, кашлянуло и вдруг пробасило вполне членораздельно:

– В баню бы...

– Значит, договорились... Илья. – Князь осторожно потрепал существо по шкуре, повернулся и заковылял обратно к терему, на ходу отряхивая рукав.

Существо по имени Илья шумно харкнуло ему вслед. Князь оглянулся через плечо. Илья помотал головой, давая понять, что это просто так, с отвычки от чистого воздуха. Князь ухмыльнулся криво и ушел.

Илья поднял с земли сапоги и взвесил их в руке, будто примериваясь, не зашибить ли кого. Он стоял посреди двора совсем один – только в отдалении, возле теремного крыльца да у ворот переминались с ноги на ногу подмерзшие стражники.

– Доброго утра, брат крестовый, – раздалось сзади.

– И тебе, – прогудел Илья, не оборачиваясь. Помахивая сапогами, он медленно зашагал к воротам.

– Баня готова, иди парься, – сказал, нагоняя Илью, высокий широкоплечий боярин, варяг на первый взгляд. Почти такой же крупный, как Илья, только в его огромности не было ничего столь угрожающе-нечеловечьего. Из-под распахнутой длиннополой шубы греческого кроя виднелась алая варяжская рубашка, шитая золотом.

– Оружие твое и броня здесь, я решил, так сохраннее будет. Микола сыт и одет, Бурка на княжей конюшне вполне обихожена, скучает только.

Илья остановился. Поставил сапоги на снег. Воткнул два пальца в бороду, дунул и издал оглушительный свист, резкий, с железным оттенком. Стражники у ворот подпрыгнули. Издалека донеслось в ответ негромкое кобылье ржание.

– Вот-вот, – сказал боярин, ковыряя пальцем в ухе. – Очень похоже. Только он свистит так, что кровь стынет в жилах.

Илья оглянулся на боярина и вопросительно шевельнул бородой.

– Да завелся тут... Разбойник. У Десятидубья. Вышел из леса на дорогу. Громадный, соловой масти. И ладно бы один. Семья целая.

Илья поднял сапоги и продолжил свой мерный шаг со двора. Впереди засуетились стражники, отворяя ворота.

– Зима лютая, – сказал боярин. – Плохая зима. Думаю, в этом дело. Им в лесу жрать нечего, вот и полезли к дороге кормиться. А там как назло место узкое. Они сначала на дороге разбойничали, ели коней, побили людишек человек пять. Дорога сразу встала, ни туда, ни сюда. А потом... Потом они съели Девятидубье.

Илья остановился снова. Встал и боярин.

– Князь послал в Девятидубье дружину малую, – сказал он. – Без толку. Этот разбойник пугает свистом коней, а когда пеший к нему приблизится, он и человека глушит. Не выносят, бегут человечки. Те, которых ему лень догнать и задрать. Распробовал белое мясо, полюбил его, нечисть такая... Тварь.

Илья молчал, о чем-то думая.

– Прогони его, Ульф, – попросил боярин. – Кроме тебя некому.

– Я убью его, Торбьёрн, – сказал Илья.

* * *

В тереме у слюдяного окошка стоял пожилой грек в дорогой сутане и тянул шею, силясь рассмотреть двоих великанов, беседующих у ворот.

– Значит, это и есть Ульф Урманин?

– Теперь его зовут Илья, – сказал князь.

– Ну и чудище... Откуда он такой взялся?

Князь что-то согнал с рукава щелчком.

– Родители Ильи пришли на Русь через Холмогоры, это все, что я знаю. Мать уже была в тягости. Можно догадаться, что случилось, но... Там, откуда он родом, о таком не говорят.

Грек внимательно посмотрел на князя.

– А здесь – говорят? – спросил он.

– Здесь таких убивают сразу после рождения. Иногда вместе с матерью.

– Это правильно, – сказал грек.

Князь задумчиво почесал толстую шею.

– Так и следует поступать, – сказал грек.

Князь отвернулся и тоскливо зевнул.

– Давайте о наших делах, – предложил он. – Отправитесь в Ростов завтра. Вас сопроводят четверо храбров, они полностью в вашем распоряжении. И достаточно сильная дружина, чтобы... Чтобы все было хорошо.

– Добрыня?.. – грек мотнул головой в сторону окна.

– Добрыня нужен мне здесь. Послушайте, Ростов все-таки не Новгород.

– Да, но преподобного Федора ростовчане хотели убить.

– Хотели. Не убили ведь.

Грек снова посмотрел за окно.

– Не понимаю, – сказал он. – Вон какое чудовище – и то крестилось.

– Это как раз ничего не значит. Илья все-таки урманин. Урманы считают, что на каждой земле свои боги и надо поклоняться местным, а то они спокойно жить не дадут.

Грек неприязненно скривился.

– Народ здесь не против Христа, – сказал князь. – Ни ростовчане, ни даже новгородцы не были против. Дело не в вере. Они просто всегда упираются, такая у них природа. На Руси если надо что-то быстро устроить, приходится отдавать указы дубиной. Иначе с тобой согласятся очень не скоро. Поверьте, я знаю. Это особенный народ, преподобный Леонтий. Недаром он так дружен с варягами.

– Если дело не в вере, – едва заметно усмехнулся грек, – зачем вы приказали свергнутых идолов протолкнуть через речные пороги?

- Как зачем... – Князь недоуменно поднял брови. – Боялся, что застрянут.
- Ну-ну. – Грек усмехнулся уже в открытую.
- Все будет хорошо, – сказал князь. – Кстати, я внял вашему совету и поговорил с летописцем. Он... Осознал свою задачу. Ему не впервой.
- Вы мудры, князь. – Грек слегка поклонился.
- М-да... Однако же я попросил бы вас, преподобный Леонтий... О некоторой осмотрительности там, в Ростове.
- Вы сами противоречите себе. То про дубину, то про осмотрительность.
- Мне кажется, преподобный Федор был чересчур настойчив. Здесь уважают крепкую руку, пока она совсем не взяла за горло.
- Не поймите меня неправильно, князь... Вы поэтому так нянчитесь со своим Ильей? Я слышал, он злоумышлял против вас.
- Ничего он не злоумышлял. Просто слегка побуянил. И он не мой Илья. Он свой Илья. Приходит и уходит. Если захочет совсем уйти со службы... Нет, я не обрадуюсь, потому что Добрыня расстроится. Добрыня его любит.
- Грек опять глядел во двор. Князь горой трудно дышащего мяса надвинулся на сухонького лощеного епископа и поверх его плеча уставился в окно. На дворе стражники распахнули ворота настежь перед огромным воеводой и громадным храбром. Храбр, опасно размахивая сапогами, что-то рассказывал воеводе, а тот кивал, на ходу отряхивая рукав.
- Ворота – из уважения, конечно? – спросил грек.
- А как же, – подтвердил князь. – Все равно эти двое не пролезут через калитку. Поди таких не уважь.
- Грек покачал головой.
- Добрыня великий муж, – сказал он. – Но это чудище...
- Да, Илья не знатен, он, в общем-то, никто, – проговорил князь жестко. – И много себе позволяет.
- Тогда почему...
- Поэтому я его наказываю, – перебил князь. – Но он как ребенок. Они все, храбры, как дети. Поэтому я их прощаю. И прощенные, они служат еще лучше. Попробуйте и вы так с ростовчанами.
- Бог простит, – сказал грек и перекрестился.
- Ну-ну. – Князь хмыкнул. – Преподобный Федор то же самое говорил.

* * *

Обычно храбр держал трех коней – прогонного, тяглогового и для сечи. И свиту человек пять-шесть, когда хлопов, когда из смердов. Но Илья, у которого все было не по-человечески, выделялся даже тут. И ездил он, и дрался на огромной кобыле Бурке, а оружие и пожитки сопровождали его на телеге, которой правил молодой Микола по прозвищу Подсокольник, единственный нынче челядин Урманина. Лет пятнадцать назад Илья привез на Соколиный Хутор крошечный пищащий сверток – сказал, нашел на обочине у разграбленного обоза. Бросил хуторскому старосте гривну серебра, выпил одним глотком кувшин медовухи и уехал. Староста потом долго бродил по двору с этой гривной, баюкая ее как младенца, хуторяне опасались даже, не тронулся ли он умом, но обошлось.

А еще лет через десять или одиннадцать явился на киевскую заставу мальчишка, пробрался к Илье в шатер и сказал – здравствуй, храбр. «И чего?» – спросил Илья. «Да я Микола, ты меня под Соколиным нашел». «И чего?» – повторил Илья. «Да ничего», – сказал Микола и пошел заниматься хозяйством. Холопы вытолкали его взащей, но мальчишка оказался настырный и кусачий. Еще через год Илья отпустил холопов без выкупа, а Микола остался.

Теперь это был не по годам крепкий и не по годам же деловитый парубок, ревниво оберегавший своего храбра от любых посягательств услужить. Микола не крутился вокруг Ильи ужом, но всегда оказывался там, где надо было подать-принести, наточить-начистить, стготовить и постелить. Он же был у храбра за казначея и скупно выдавал ему деньги на развлечения. Ограбить Миколу, когда Илья отпраплялся в загул, никто даже не пытался – связываться с оруженосцем «самого Урманина» глупцов не было. К тому же парубок на редкость остервенело для такого молодого орудовал булавой и топором. На смертный бой он еще не годился, конечно, но из шутейных схваток с другими оруженосцами киевской дружины неизменно выходил победителем. Илью не раз уговаривали продать мальчишку, подарить или проиграть, но Урманин только фыркал. А на вопрос, что он будет делать, если парня захочет взять к себе князь, ответил как отрезал: не захочет.

Сейчас Микола ехал на санях по узкой киевской улочке. Перед ним тяжело бухала копытами немногочисленная охрана Добрыни, а где-то совсем впереди застлала свет два великана. Могучая Бурка и крупный белый жеребец заняли всю дорогу, а их всадники едва не задевали плечами стены и скаты крыш.

Добрыня пребывал в задумчивости, что-то считая про себя, шевеля губами, загибая пальцы. Ни дать ни взять купец, сводящий убыль с прибылью. Богатый варяжский гость – это надо было знать, что по крови Добрыня природный древлянин, а то и не догадаешься. Он плотно запахнул в шубу, надвинул шапку на глаза, и только по небрежной роскоши одежды да выбивающейся из-под шапки светлой гриве понятно было, что не торговый это человек, ох, не торговый.

Илья, напротив, глядел беззаботно. Напарившийся в бане, дочиста отмытый, сытый и чуть-чуть пьяный, с подстриженной и расчесанной бородой, он ехал как на праздник. На плечах его красовался алый зимний плащ с меховой оторочкой, длинные темные волосы стягивала золотая повязка. Поперек седла лежал боевой топор, отделанный серебром.

Добрыня все загибал пальцы и с каждым пересчетом грустнел. Он выглядел моложе своих пятидесяти лет. Жизнь не наложила на его лицо той меты, которой припечатывает обычно пробившихся к власти коварством и убийством. Добрыня пребывал отнюдь не в мире с человечеством, но зато в мире с собой. Он никого и ничего не боялся. И он все еще был очень красив.

Илья, напротив, был страшен. Не столько уродлив, сколько именно страшен. Звероватость его облика переходила грань, за которой уже не виден мужчина-хищник, так привлекающий женщин, а начинается просто зверь. Крупная голова Ильи была утоплена в непомерно широкие плечи, могучие руки казались несуразно длинны, толстые крепкие ноги – быку впору. А сколько кожи пошло на его сапоги и перчатки, боязно было подумать.

Легкая улыбка, с которой он сейчас озирался по сторонам, пугала. Так мог бы скалиться матерый волчище, надвигаясь на человека. И выражение лица, и клыки были у Ильи как раз.

Он вдруг о чем-то спросил Добрыню.

– А? – отозвался тот, продолжая считать на пальцах.

– Где Дрочило?

– Ушел дрочить, – сказал Добрыня.

Илья раздраженно шмыгнул носом.

– Из младшей дружины многие ушли, – сказал Добрыня.

Подумал и добавил:

– И многие уйдут.

– Дрочило мне пригодился бы. На это дело. Он сильный.

– Сильных много, – отрезал Добрыня. – Только храбров мало среди них.

Илья снова шмыгнул носом и вдруг стремительным ударом топора срубил с крыши здоровенную сосульку. Поймал ее и принялся сосать.

– Оттепель была? – невнятно полюбопытствовал он. – А я и не заметил. Проспал.

– Два, от силы три дня. Потом снова прихватило, теперь в полях толстый наст. Снег осел, но сверху корка чуть не в палец. Такая, что кони режут ноги. Учти.

Илья отбросил сосульку.

– Мне тут на ум пришло...

– Да ну?!

– Волхв из Девятидубья говорил, что Перун очень злопамятный бог, – сообщил Илья, не замечая насмешки.

Добрыня тяжело вздохнул и широко, напоказ, перекрестился.

За его спиной перекрестились охранники. Позади, на санях, Микола спрятал в варежку улыбку.

– Я так просто, – объяснил Илья и тоже перекрестился.

– Христос милостив, – сказал Добрыня. – Он не оставит нас в беде.

Теперь перекрестились все.

– Меду бы, – сказал Илья.

* * *

Киевская старшая дружина, вернее, та ее часть, что еще могла и хотела драться, летом стояла лагерем на берегу Днепра, а зимой перебиралась в город. Лагерь называли «заставой», видно, в память о тех временах, когда старшие дружинники были младшими и сиживали на настоящих заставах. Кто-то сказал – и пошло: застава. И просторный городской дом, служивший дружине местом сбора, тоже именовали так.

Городская застава появилась не случайно. Во время оно старшая дружина решала свои дела в княжем тереме. Сборища заканчивались пирушками, и всем было очень весело, особенно князю. Но с годами князь посерьезнел. Былого пьяницу и жизнелюба, державшего без числа наложниц и гулявшего месяцами, стали все более увлекать хозяйственные вопросы. Дружина, которая тоже заматерела и топорами уже махала редко, а в основном отдавала указания, сначала обрадовалась. Но вскоре загрустила. Князь оказался слишком дотошен. Ему хотелось разъяснить до последней косточки самый незначительный предмет. Из-за княжьей въедливости случалась ругань по мелочам, а замирившись, бояре привычно упивались до сваливания под лавки. Выходило как-то глупо и не по-государственному, хотя все очень старались.

Наконец сообразили поделить вопросы на достойные внимания князя и несложные, повседневные. Для обсуждения последних выгоняли младшую дружину из детинца – пускай гуляет, ей полезно – и садились толковать там. Но это выглядело не слишком уважительно к младшим, и сам детинец располагался близковато к княжему терему, и вообще, стоял в нем чересчур отчетливый воинский дух.

Бояре, покряхтев да посетовав, скинулись по-братски – и на месте небогатого постоянного двора возникла «городская застава». Полезная и удобная во многих отношениях затея. Оставалось это объяснить самому князю. Тот покричал немного, потопал ногами, а когда остыл, сказал – ладно, теперь я хотя бы знаю, куда за вами посылать, если война или поговорить надо.

Строго говоря, дружина никогда не собиралась на заставе целиком. Половина храбров пропадала в разъездах по княжим владениям, многие отправлялись на дальние рубежи, а то и за них. Безвылазно сидели в городе лишь те, кто отвечал за его охрану и созыв киевского ополчения. У прочих витязей была одна постоянная задача: чтобы в укрепленных за ними городках и селениях не шалили и исправно платили дань. А вот задач внезапных, неожиданных, случалось множество. Только уезжая на полюдь, храбр знал, где он будет завтра. С заставы его могли сорвать в любой миг и послать туда, не знаю, куда. Обычно – навстречу опасности.

Вчера, например, на заставе устроили «прощальную» дружинникам, сопровождающим епископа Леонтия в Ростов. Этот епископ был уже второй – преподобного Федора ростовчане

из города вышибли, спасибо не зашибли. Подвыпившие храбры грозились смутьянов «примучить». Правда, многоопытный Самсон Колыбанович сказал, что можно без кровопролития: просто надо по дороге свернуть к капищу и принести жертвы старым богам, чтобы не дурили народ. На Самсона поглядели косо, но совет взяли в память. Вдруг прав бывалый. Перед крещением Киева никто с идолами не договаривался, скovyрнули – и в реку, а потом киевлян в эту реку пришлось загонять, кого намеками, а кого и пинками.

Сегодня на заставе собралось храбров дюжины две. Ждали воеводу. Когда на улице раздался знакомый шум спешивающейся конницы, сели за столы. Отворилась дверь, храбры встали.

Вместо Добрыни в залу вошел Илья.

Раздался дружный хохот.

– По здорову ли, братья?! – рявкнул Илья.

«Братья» ответили, что очень даже по здорову, и снова уселись.

Самсон Колыбанович оглядел Илью, празднично разодетого с ног до головы, и спросил:

– Ты собрался на альтинг в Тингвеллир?

– Я всегда так хожу, – ответил Илья.

И положил топор на стол.

– Смотрите, какой vikingr, – сказал Колыбанович. – Только воды боится, а так прямо как настоящий.

– Это кто воды боится?! – возмутился Илья.

– А почему ты ее тогда не пьешь?

«Братья» зашлись от смеха и принялись в восторге колотить по столам кулаками. Илья угодил к князю в поруб по пьяному делу, а ведь говорили ему, что пора с меда перейти на холодную водичку.

– Да, – сказал Илья кротко. – Меду бы.

– Меду – потом, – раздалось сзади.

Храбры вскочили.

– Садитесь, княжи мужи, садитесь. – Добрыня прошел на главное место, отодвинул по пути Илью, покосился на топор и сказал:

– Убери со стола. Это не едят.

И под радостный стук кулаков по доскам сел, очень довольный собой.

– Все меня обижают, – буркнул Илья, чем вызвал новый приступ хохота. Забрал топор и полез через лавку.

Добрыня положил шапку на стол, снял перчатки и взьерошил обеими руками светлую гриву, отчего стал еще моложе на вид.

– Други мои, – начал он. – Нынче затея предстоит трудная, люду она не под силу, младшим тоже, короче говоря, для вас затея. Для старых и опытных. Великий князь наш и благодетель назначил славного Илью Урманина главным на этот подвиг. В Девятидубье целая орава нечисти, и Илье нужна подмога. Кто вызовется, тот пойдет. Но я скажу вот что. Не рвитесь в драку очертя голову, если раньше не бились с нечистью. Это случай особый, тут нужен опыт. Бывает, видел йотуна только издали, а тебя по сию пору от одного воспоминания рвет. А есть и такие, кто уверяет, что голыми руками открутит йотуну ятра. Ни тех, ни других я на Девятидубье не зову. Мы уже посылали туда... Некоторых любителей побахвалиться. Они чудом принесли назад собственные ятра.

Воцарилось молчание.

– И еще надо понимать, – добавил воевода. – Челяди с собой берите сколько угодно, если она вам не дорога. Не разбежится, так погибнет. Самим придется драться. Только самим.

Все смотрели в стол, лишь Илья да воевода шарили глазами по лицам.

– А ведь Дрочило завалил волота, – вспомнил Самсон Колыбанович.

– В чем смысл затей, – сказал Добрыня, будто не расслышав храбра. – Отогнать эту дрянь от дороги. В городе стоят обозы, и когда их накопится много, они пойдут вперед. Гости друга друга подзуживают, да и время их не терпит. Чем это кончится, я не ведаю, потому что охрана у обозов от людей да от волков. Против семьи йотунов, уже отведавших человечины, она устоит навряд ли. А нечисть с дороги не уйдет по доброй воле, человек для нее самая легкая добыча. И самая вкусная. Такое дело...

– Можно? – спросил Лука, из братьев Петровичей. И, получив утвердительный кивок, продолжил: – Сколько их там? Говорили, пять.

– Не меньше пяти. Один старый, при нем наверняка баба. Эти двое страшнее всего. И молодые. Готовьтесь к тому, что может оказаться больше пяти.

– Девятидубье стоит над Смородинным бродом, – встрял Колыбанович. – Это который раньше Смердяным звали. Потому что речка Смердянка, вонючая она, из болот вытекает. А позже ее Смородинкой назвали, ведь противно на Смердянке-то жить, даже если ты взаправду смерд, хе-хе... Я хорошо помню.

– Да ну? – буркнул воевода, поднимая глаза к потолку.

– Оттуда рукой подать до Карачева. Что Девятидубье, что Карачев – старые поселения вятичей...

– Были вятичи, стали русь, – перебил Добрыня. – Ты к чему клонишь?

– Вятичи лесовики, добытчики всякого зверя. Повадки волотов должны знать. Не сподручнее ли им разобраться?

Воевода от раздражения тихо зарычал:

– Ты когда был в Девятидубье последний раз, Самсон?.. Ты запомнил, наверное. Там рядом священная роща – прости, Господи, – Добрыня перекрестился, за столом зашевелились, следуя его примеру. – В роще на поляне раньше стояли идолы. И рожи у них были страхолудные на редкость, прямо удивлялись все проезжие, до чего гадкие рожи. Припоминаешь?

– Хм...

– Клыкастые такие, злые. Не только упыри да берегини, чтоб их черт побрал – все рожи до единой! А ничего удивительного. По памяти резали!

Раздались возгласы изумления.

– Ты прав, Самсон, вятичи знали повадки йотунов, – сказал Добрыня. – Лучше всех знали. Мне тут Илья напомнил: тамошний волхв угрожал нам, кричал, пока его не прибили, что Перун злопамятный бог...

Озадаченные храбры переглядывались, бормотали, кто-то сдавленно хохотнул, иные схватились за головы. Только Илья спокойно глядел на воеводу, да братья Петровичи шепотом совещались.

– ...Конечно злопамятный! Вятичи под теми девятью дубами приносили в жертву холопов, а когда и своих, какие похуже.

– Ты хочешь сказать... – пробормотал смущенный Колыбанович.

– Научили своего Перуна жрать человечину – а нам теперь разбираться! Вот что я хочу сказать! Думаешь, я не пробовал двинуть на Девятидубье ополчение из Карачева? Ха! Гонец вернулся третьего дня с синяками во всю морду. Отважные вятичи скорее поссорятся с Киевом, чем пойдут на йотунов.

Колыбанович зычно крякнул, расчесал пятерней бороду, одернул ворот кафтана и глубокомысленно молвил:

– Да уж!

– Не о том говорим сейчас. – Добрыня ударил по столу ладонью, глухо звякнув тяжелыми перстнями. – Кто где жил и чего натворил в прошлом, неважно. Нынче великий князь наш и благодетель – хозяин той земли. Мы проторили торговый путь напрямую через нее. Теперь это земля Киева и забота Киева. Русь за все в ответе, что случится там.

– Ну... Тогда наших бы поспрошать звероловов да добытчиков.

– Бесплезно, – отмахнулся Добрыня. – Кто лесом кормится, тот боится нечисти как огня. Это же не горные йотуны, а лесные. Мы для них природные враги. Такой как увидит человека, сразу прет на него, чтобы выгнать со своих угодий. Ну и бежит человек, если жизнь дорога. Все, что добытчики знают о йотунах, – как страшно те умеют свистеть.

– А Дрочило? – предложил Колыбанович.

– Самсон! Чего ты пристал ко мне?! – загремел воевода. – Задрочили уже со своим Дрочилой! Кто он тебе, этот Дрочило? Родственник?! Нашли тоже храбра, бестолочь да нищесбродину! Нахапал золота – и поминай как звали! Храбр дерется в любое время дня и ночи за князя, за Киев, за Русь! За братьев своих дерется! Не бывает такого витязя, чтобы выходил на сечу только когда ему охота прибить кого! Ну, придавил ваш Дрочило печенег-поединщика, а кто после гнал их рать от Киева? Вы гнали! Забыли?!

– Да я хотел сказать, что он же волота...

– Дрочило завалил молодого, – прогудел Илья. – Одного. Летом.

Все посмотрели на Урманина.

– Одного молодого любой из нас может завалить, – сказал Илья. – Молодые, они вроде тех мелких, что зимой по хуторам запечными живут. Вороватые, однако безвредные. И летом они сытые, а значит, не злые. Труднее со старыми. Намного труднее. Но если не в одиночку, то справиться можно. Вон, Петровичи берегиню поймали же. Коли не врут.

– Кто врет? – Василий Петрович слегка приподнялся на лавке.

– Извини, присказка такая, – объяснил Илья.

– Помощникам по пять гривен за голову нечисти, – объявил Добрыня. – С Ильею расчет особый, а помощникам – так. Если не добудете голов, тогда на всех десятая доля с каждого воза, что пересечет Смородинный брод до весны. Но и вам придется там стоять, оборонять дорогу и переправу. И доля только с неповрежденных возов. Если хоть один человек в обозе пострадает, доли никакой вообще.

– ... Те молодые, которые у Девятидубья, – продолжил думать вслух Илья, – эти, конечно, смелые. Полакомились человечинкой, обнаглели. А раз они грабили обозы, значит, научились стаяй нападать, по-волчьи. Это очень худо. Да...

И замолчал.

Дружинники сопели и украдкой переглядывались. Добрыня во главе стола рассматривал свои перстни.

– Стая – очень худо, – повторил Илья.

– Ты мне дружину не запугивай! – Колыбанович громко хлопнул в ладоши. – А давайте все туда двинем! Цепью – и вдоль дороги.

– Без толку, – сказал Добрыня. – Это все уже было сто лет назад далеко отсюда. Йотуны хитрые, отбегут в глушь, переждут облаву, потом вернуться. Их вызывать надо на себя, нечисть такую. Как медведя, выманить – и на рожон. Ну, кто пойдет?

Дружина молчала. Тут мало кто сталкивался с лесными чудищами. Витязи редко забирались глубоко в лес, не было надобности. И зверя они добывали больше в полях. Все, конечно, о нечисти слышали – но живьем видели ее немногие, и то сильно издали. Только Петровичи хвастились, будто однажды по молодости поймали на глухой речке берегиню. И Урманин, болтали, чуть ли не дружен был с черным горным волотом, до того могучим, что даже имя у него свое было – Святогор. Но Илья знакомством никогда не хвалился. Даже не рассказывал, сколько ни упрашивали.

А что Добрыня зубами скрежешет, говоря про йотунов, это ясно. Он несколько лет прожил в Странах Датского Языка, обваряжился, даром что с лица чистый варяг. А у тамошних ненависть к волотам в крови. И желание рубить их под корень – тоже.

Земли там мало, вот почему. И делить ее приходится не только промеж людей.

Тут земли много. Очень много. Тут всего вдоволь.

Тут и волотам хватило бы места, если б не забаловали.

Выходит, рубить придется.

Илья Урманин наверное знает, как именно их рубят. Покажет, научит. Но все одно боязно.

– Ну, чего ждем? – спросил Самсон Колыбанович, переживая за нерешительность дружины.

– Пять гривен – это вира за то, что назвал боярскую жену блядью, – заметил Лука Петрович.

– Вот наколотишь побольше йотунов и обзывайся сколько хочешь! – предложил Добрыня.

Послышались смешки, Колыбанович мелко затрясся и прикрыл рот ладонью, Илья мечтательно закатил глаза.

– Это еще и вира за жизнь смерда, – напомнил Лука. – В Девятидубье было людей дюжины три, да староста...

– Бессмысленный подсчет. Их жизни ничьи. Девятидубье вольное село, – отрезал воевода.

– Будь оно вотчинное, не пострадало бы так. И брод оказался бы защищен, и дорога на несколько верст в обе стороны.

– Возможно. – Добрыня равнодушно кивнул.

Василий Петрович придвинулся к брату и зашептал ему на ухо. Добрыня ждал.

– Встала-то не просто дорога, а самый что ни на есть путь из варяг в греки! – заявил Лука.

– Какие еще греки зимой?! – возразил Добрыня, не любивший преувеличений.

– Греки – летом. Но путь серьезный! И затея серьезная предстоит!

– И чего теперь – подарить вам Девятидубье со Смородинным бродом?!

– Не откажемся.

– Стая – это хуже некуда, – сообщил в пространство Илья. – Заходит со всех сторон. Булавой махать упаришься. А другое оружие не годится против них...

– Помолчи, – сказал ему Лука Петрович.

– А?

– Мы тут думаем, если ты не заметил.

Илья встал:

– Спать пойду.

– Я тебя не отпускал, – заметил Добрыня.

– Завтра, как рассветет, я отправляюсь к Смородинному броду, – сказал Илья поверху голов, ни к кому не обращаясь. – Ходу мне туда неделю. Встану на нашем берегу, там заночую. Утром перейду реку. Значит, кто через неделю к утру будет у реки, тот со мной. А кто не со мной, тому – прощайте, братья. Авось свидимся.

– Тебе-то что пообещали? – бросил Лука.

Илья перегнулся через стол и совершенно по-звериному показал братьям Петровичам зубы.

– Меня. Князь. Попросил, – произнес он отдельно.

Издали поклонился Добрыне и ушел вверх, громко скрипя лестницей.

* * *

Городская киевская застава как была изначально постоялым двором, так им и служила – проезжим витязям или киевским, не имеющим своего жилья. Причиной бездомности чаще была молодая бедность, но храбры не бедовали подолгу, они либо гибли, либо богатели. А

вот Илья всегда ночевал и столовался на заставе. Ему это казалось удобнее. Он мог уехать на любой срок, и его скудно обставленная комната оставалась за ним. Илья назначил заставу своим домом. И когда дружине надоело смеяться над такой причудой великого, но заметно придурковатого храбра, это просто признали как есть. Сказать, что Илья поселился тут на всем готовом из жадности, не поворачивался язык. Щедрость Урманина была общеизвестна, ее кое-как ограничивал лишь хозяйственный Микола. Для Ильи деньги мало значили, он мерил жизненный успех только личной честью. В этом смысле Урманин был куда более vikingr, чем его предки. Еще он любил приодеться как можно ярче, носить напоказ богато украшенное оружие и делать подарки. Шумные попойки устраивал редко. Сам, конечно, выпивал, но пиры закатывал лишь по серьезным поводам.

Боялся попасть в историю.

Он проснулся до восхода солнца. Сразу встал – переход от сна к бодрствованию был у него мгновенным. Сходил на гумно, умылся, оделся в дорожное. Обстоятельно позавтракал. Собрался было на конюшню, где Микола уже седлал Бурку, но вдруг наострил уши. И вышел на улицу.

Подъехал всадник на белом коне.

– Тебя невозможно застать врасплох, – сказал Добрыня.

– Я услышал, – объяснил Илья.

– Заезжай за Петровичами. Они пойдут с тобой.

– Выторговали Девятидубье?

– Вот им, – воевода показал, – а не Девятидубье. Но до дюжины гривен доторговались, купцы.

Илья покачал головой.

– Выбирать не из кого, – вздохнул Добрыня. – Остальные боятся, что не вынесут свиста йотуна. А эти двое, им хоть кол на голове теши, хоть колоколом по уху бей. Тупые, как ступа. Нравится это тебе или не нравится, а помочь они могут. Стреляют оба метко, дерутся смело. Берегиню поймали, опять-таки...

– Если не врут.

– ...И челяди у них полно, – закончил Добрыня. – Будет, кому дрова рубить. Ты же станешь жечь костры всю первую ночь, верно?

– Зачем рубить, домишко какой раскатаем на дрова... А откуда ты знаешь про костры?

– Все это уже было, – сказал Добрыня. – Сто лет назад в другом краю. А может, больше чем сто. Думаешь, асы воевали с йотунами в Странах Датского Языка? Зачем? Асам йотуны не мешали. Человеки с ними воевали, друг мой. Твои предки. Везде, где начинают рубить и корчевать леса, навстречу человеку из лесов выходят их прежние хозяева. Орки, йотуны, одноноги, лешие, упыри... Какая разница. Твой приятель Святогор просто был не лесной, вот он и не пытался убить тебя. Горному йотуну нечего делить с человеком. Наоборот, человек ему забавен. Как что-то похожее.

Илья едва заметно кивнул.

Добрыня оглянулся на охрану, та послушно отъехала подальше.

– Я знаю, чего опасаться? – Добрыня чуть наклонился с коня, Илья шагнул ближе. – Этот случай у Девятидубья только начало. Русь все глубже заходит в леса. Мне докладывают – люди натываются на волотов тут и там. Где-то лешие и берегини отпугивают вальщиков и корчевщиков, а где-то пытаются нападать. Убитых пока нет, но поломанные уже есть. И одну бабу летом украли, а нескольких просто так... Покрыли и отпустили. Догадываешься, что сделали с несчастными бабами их родичи.

Лицо Ильи заметно вытянулось.

– Сам понимаешь, если йотуны будут убивать смердов, рано или поздно они попробуют человечину, как этот соловый разбойник у Девятидубья. И обучат своих детей. И тогда начнется... Думаю, мы должны предупредить их. Обязаны.

– Предупредить – как? – только и спросил Илья.

– Как волков. Ряды загонщиков. Побольше шума. И вперед. Если не вывести под корень, то хотя бы загнать в самую глушь. А иначе – еще пара таких же суровых зим, и нас ждет куда более страшная бойня, чем сто лет назад в другом краю.

Илья стоял, потупившись, широко расставив ноги и заложив руки за пояс. Он в такой позе обычно размышлял.

– А еще хуже другое, – сказал Добрыня. – Мы держим важные торговые пути. Значит, на Руси должно быть надежно и безопасно. Мы признали Христа, чтобы стать как все. Чтобы нас понимали и уважали. Чтобы опасались нашей воинской доблести, а не нас самих, нехристей страшных. Теперь на Русь рекой течет золото. Киев уже сейчас хорош, а станет краше, чем Константинополь. Василевсы будут завидовать нам. Скоро через Русь пойдут такие богатые обозы, каких мы не можем и вообразить. Теперь угадай, сильно ли нас заважают, услышав, что вокруг Киева йотуны хозяйничают, как у себя в лесу? Что нечисть может насесть на дорогу и остановить торговый путь? Да мы тогда полными ничтожествами предстанем. Сам подумай.

Илья подумал и сказал:

– Подумал.

– Страны Датского Языка до сих пор не могут принять христианство. Мы и в этом их обогнали. Мы вообще обгоняем всех. У нас много леса, земли, люда, и мы самые лучшие. И тут – йотуны. Тьфу.

– Да, – сказал Илья. – Я понимаю.

– Это не просто мои мысли, Ульф. Считаю, это тебе говорит князь. Отруби разбойнику голову и привези в Киев. Положи начало большому делу во имя будущей Руси.

Илья поразмыслил немного и сообщил:

– Я возьму солового живьем, Торбьёрн. Так будет хорошо. Тогда никто больше не станет их бояться.

– Незачем, – отмахнулся Добрыня. – Слишком трудно.

Илья пожал плечами. Выходило это у него жутковато: не плечи шли вверх, а голова ныряла вниз.

– Если хочется поймать кого-то, прикажи Петровичам. Они на берегу научились, ха-ха... А ты мне нужен живой и здоровый! – заявил Добрыня строго. – Тебе еще найдется, чем заняться. Ты не Дрочило, хвала богам! Прости, Господи.

– Дрочило сильный, – вспомнил Илья.

На Илью посмотрели так, что он поспешно опустил глаза.

– Желаю тебе удачи, – сказал Добрыня. – К слову, я только сейчас понял... Никак не идут из головы эти йотуны. Ты ведь не рассказывал, что стало с женщиной Святогора.

Илья чуть склонил голову набок:

– Тебе это надо знать?

– Не надо. Ну, прощай, если что.

Добрыня развернул коня.

– Мне пришлось убить ее, – сказал Илья тихонько. – А девку я не тронул. Она, может, по сию пору живет в горах одна.

– Я так и знал, – отозвался Добрыня, не оглядываясь.

* * *

Дорога была широко раскатана, и Илья пустил Бурку рядом с санями. Огромная кобыла мерно топала, опустив голову, будто спала на ходу. Илья уверял, что Бурка именно спит на ходу, а он от ее убаюкивающей поступи тоже задремывает иногда. И поэтому они вдвоем, бывает, проламывают заборы, цепляют углы и сносят ворота – а вовсе не потому, что у них склонность все ломать.

Сейчас Илья вовсе не дремал. Напротив, он то и дело крутил в воздухе топором, зачем-то доставал из-за пояса любимую плетку-семихвостку, разматывал ее, сматывал и втыкал обратно. Пару раз он даже соскочил наземь и пробежал небольшое расстояние, а потом запрыгнул в седло. Бурка при этом продолжала ход, словно ей было совершенно все равно, где ее всадник. Может, и правда спала.

Позади в седлах мерзли, кутаясь в длинные шубы, братья Петровичи.

– Ишь выделяется, – буркнул Лука, глядя в спину Урманина, который опять вертел топором над головой. – Старый, а как молодой.

– Молодой и есть, – сказал Василий. – Чисто дитя. Все, что нажил, в одних санях помещается.

– Дитя-то дитя, а ты его меч видел? Который в тех санях? Князю впору меч.

– М-да, – согласился Василий. – Только он с мечом управляется еле-еле. Я намного лучше.

– А зачем ему? Он тебя и без меча уделает. Дерево сломает и треснет по репе.

– Ты чего такой злой сегодня? – удивился Василий.

– Вчера торговался плохо, – объяснил Лука.

– А-а...

Илья, который весь разговор прекрасно слышал, растянул губы в медвежьей ухмылке.

– Дядя, а дядя, – подал из саней голос Микола.

Он всегда так просто называл своего храбра, чем заметно смутил окружающих.

– Ну?

– Я вот думаю... А отчего у нас варяги правят? Как это вышло?

Позади захохотали Петровичи.

Илья оглянулся и вопросительно двинул бородой.

– Мы просто так, – объяснил Лука.

– Вы просто так замерзнете, братья, – сказал Илья. – Заиндевели уже. Вы бы пошевелились для согреву. Вот как я.

– Успеем еще... Пошевелиться.

– Ну-ну.

Илья сел прямо и надолго задумался.

– А почему варяги правят? – спросил он наконец.

Петровичи расхохотались опять. Хорошо, от души.

– У великого князя нашего и благодетеля дедушка был кто? Варяг, – сказал Микола. – Я знать хочу, с чего все началось.

– А-а... – понял Илья. – Ну, это просто. Ну, ты представь...

И опять надолго задумался.

Микола ждал. Шумно дышали кони, под копытами и полозьями скрипел утоптаный снег. Позади негромко перекрикивалась челядь Петровичей. Там целый обоз шел, саней пять.

– Вот, – сказал Илья. – Представь. Ты одет в холстину, оружие твое – простая дубина. И вдруг приходят какие-то в кольчугах и с топорами. Ты смотришь и думаешь – ого! Хорошие кольчуги. Хорошие топоры. А эти спрашивают: кому платишь дань? Ты отвечаешь: ну, хазарам.

Эти говорят: ничего подобного. Хазарам больше не даешь, нам даешь. Ты спрашиваешь: а что скажут хазары? Эти говорят: ничего не скажут. И все. И они садятся у тебя дома. И берут с тебя дань. А хазары за данью не идут почему-то. Будто и не было их никогда, хазар. Вот... А эти, в кольчугах и с топорами, сидят. И ты видишь, что они уже говорят по-твоему все до единого, и богов твоих уважают. И один дочку твою в жены просит, сам муж видный, богатый... А хазар нет и нет. И вообще никого нет. Ну, может, придет кто-нибудь, но эти его хрясь топором – и он уходит сразу. Вот... И все хорошо. И предводитель у этих настоящий конунг. И никакие они уже не эти, а свои. И конунг – свой. Мир, порядок, достаток, живи и радуйся. Ну?..

– Что, дядя?

– Представил? Ну, так оно и было. Просто давно. Еще до дедушки князя нашего. Мы ж с варягами соседи. Они не могли не прийти. Посмотреть, как у нас тут дела.

Микола сдвинул шапку на глаза и почесал в затылке.

– А мы, значит, с дубинами бегали? – спросил он неодобрительно.

– Зато у нас дубины были – во! – Илья развел руки в стороны. – Нас все боялись. Особенно греки.

– Зачем мы тогда платили хазарам?

– Ну, знаешь... – Илья опустил руки и ссутулился.

– А хазары, они жидовины, – подсказал сзади Лука Петрович.

Микола оглянулся.

– Обдурили нас, – объяснил Лука. – Жидовины хитрые, ты знай, почти как греки.

– Во! – обрадовался Илья. – А мы народ простодушный, мирный и тихий.

– Кто бы говорил, – ввернул Лука. – Слышь, Илья, ты меня извини, брат, но все было по-другому. Новгород сам призвал варягов. С того и пошло.

– М-да? – хмыкнул Илья.

– В Новгороде поднялась смута. Не как обычно там бывает, а долгая смута. И на вече решили, раз сами не справляются, надо призвать князя. И отправили к варягам послов. Сказали – земля наша велика и обильна, порядка только нет. Придите и владейте нами. И пришел конунг Рёрик. Вот откуда началась Русская земля, какой мы ее знаем.

– М-да? – повторил Илья. – И далеко Новгород за варягами ходил? До самой Ладogi небось?

– Я тебе рассказываю, как про это в летописи! – обиделся Лука. – Сам не видел, но говорят. У новгородцев монах сидит и пишет. И до него монах сидел и писал. И у нас, вон, тоже пишет. Князь к нему ходит иногда, смотрит, чтобы лишнего не выдумал.

– В летописи, значит...

– Ты чего? – не понял Лука.

– Ну, раз в летописи, тогда коне-ечно, – протянул Илья.

Перекинул ногу через шею Бурки, спрыгнул и убежал вперед. Бегал он смешно, на полусогнутых и широко раскинув руки, будто ему тяжело держать равновесие – да пожалуй, так и было. Быстро вернулся, одним движением закинул себя обратно в седло.

– Ты не согласен? – спросил Лука.

– Не-а, – ответил Илья просто.

И крутанул над головой топором.

– Ну, – сказал Лука, – ты нынче главный, брат.

Илья обернулся.

– Я главный, да, – согласился он. – Но еще я природный урманин. Если ты забыл, брат. Мне ли не знать, как приходят варяги. И зачем. А летописи... Их человеки составляют. Василий!!!

– А?! – встрепенулся младший Петрович, испуганно выныривая из шубы.

– Не спи, с коня свалишься! – сказал ему Лука.

– Да ну вас всех, – отозвался Василий и снова уткнулся носом в пушистый воротник.
– Вот и поговори с ним, – пожаловался Лука.
– Отстают твои, – заметил Илья.
Лука посмотрел назад. Обоз за его спиной и правда растянулся.
– Не отставать! – рявкнул Лука. – Подобрались, живо!
– Раскричались... – донеслось из шубы.
– Ох, хлебну я с вами горя... – пробормотал Илья. – Микола!
– Что, дядя?
– Давай с саней. Топай рядом, грейся.
Парубок, недовольно бурча, соскользнул на дорогу и пошел, держа в одной руке вожжи.
– Чего греться-то, если кругом поля. Я понимаю, в лесу...
– Шевели руками, – сказал Илья строго. – Ты должен быть всегда готов. А в поле особенно. Я вот однажды ехал полем. Высоко сажу, далеко гляжу, бояться нечего... Эх.
И замолчал, исчерпав запас красноречия на сегодня.
Белое поле казалось бескрайним, что на восход, что на закат.

* * *

Насколько Илья любил приодеться для города, настолько же просто он облачался в поход. Короткая, чуть ниже пояса, куртка с широкими рукавами, свободные удобные штаны, круглая шапка с наушниками – ничего лишнего и стесняющего движения. Все было шито добротнo, из очень дорогого материала, но выглядело скромнее некуда. Обычный походный цвет у Ильи был коричневый, однако на этот раз он надел все серое, видимо, с каким-то умыслом.

Братья Петровичи, укутанные в длиннополые богато отделанные шубы, пошитые по греческому образцу, казались рядом с Ильей настоящими боярами.

Зато и задубели они в своей чересчур теплой одежде настолько, что вечером у костра не сразу отогрелись. Василию даже есть поначалу было неудобно, мясо падало из рук.

– Наказание ты мое, – сказал ему Лука.
– А я говорил, – напомнил Илья, – шевелиться надо.
– Нашевелился уже, – прогудел из шубы Василий. – По молодости. Туда беги, сюда иди, того бей, этого не трожь... Скоро опять драться. Дайте хоть сегодня пожить спокойно.
– Да кто ж тебе мешает... Я?
– Нет, ты не мешаешь, – быстро сказал Василий. – Ты никому не мешаешь никогда.
Закутался плотнее и придвинулся к огню.

Когда все поели, Лука Петрович завел важный разговор.
– Илюша, а Илюша, – начал он ласково. – Как бить-то нечисть будем?
– Ты же берегиню поймал, коли не врешь, – Илья хитро прищурился.
– Да ну тебя, – сказал Лука. – Поймал – не прибил. И давно это было. Она раков искала под корягами у берега, зазевалась, а тут мы. Глядим – баба голая волосатая ковыряется на мелководье, лопочет что-то. Думали, просто дура местная. Сразу и не поняли. Руки ей заломали да по морде надавали. Морда страшная... Отпустили потом.

– Когда – потом?
– Ну... Потом.
– Одно слово – бояре. – Илья неодобрительно покачал головой. Заметно было, что он Луке не верит.
– Да какие мы бояре.
– Будете.
– Это, конечно, вероятно. Так что же, Илюша?
– Василий! – позвал Илья.

- Ась?!
- Отниму шубу, – пообещал Лука брату. – Сколько можно спать?
- Ну-ка отними!
- Смотрите. – Илья встал. – Старый волот дерется так.

Илья чуть присел, немного развел в стороны руки и оскалился. Братья Петровичи запахнулись в шубы, будто отгораживаясь, их челядь ступила от костра в тень. И лишь Микола Подсокольник подался вперед, поедая глазами своего «дядю». Приняв звериную боевую стойку, Илья заметно переменялся. Теперь он был похож на кого угодно, только не на человека.

– Когда волот прёт на тебя, он не сворачивает, идет прямо. И делает так. – Илья схватил воображаемого противника обеими руками, притиснул к груди. – Считаю, ты уже весь поломанный. И тогда он зубами рвет.

Илья несколько раз с лязгом куснул воздух. Получилось убедительно.

– Если ты на волота сам выскочил, он может тебя отбросить. – Илья руками толкнул перед собой. – Полетишь кубарем. Тогда сжимайся в комок и катись по земле. А не то шмякнешься – дух вон. Волот напрыгнет и загрызет.

Петровичи, застывшие истуканами внутри своих теплых шуб, дружно поежились.

– Бойтесь захвата. Пальцы у волотов очень сильные. Если тварь вцепится в руку, считай, она сломана. И оружие должно быть обязательно с темляком. А то вырвет, и в тебя же швырнет.

– Меч-то не вырвет, – бросил Василий пренебрежительно.

– Еще как вырвет. Останется без пальцев, а ты – без меча. Тут он тебя здоровой рукой и пристукнет.

– Ну-ну...

– Рогатина?.. – деловито спросил Лука. – У нас есть.

Илья задумался.

– Нет, – решил он. – И хотелось бы, и боязно. Волот не медведь, у того лапы намного короче. А этого насадишь на рогатину аж по самый перехват, тут он тебя и достанет. Рубить лезвием тоже неудобно, вдруг уловит копьё за древко. Ты уясни, брат Лука, волот в драке либо отбивает тебя подальше, либо цапает и дергает к себе. За что поймают, за то и тянет. Даже щитом закрываться нельзя – ухватит волот край щита, не стряхнешь. И чего тогда делать?

– Уяснил...

– И есть у них особенный удар, смотрите, – Илья подобрал руку к груди, отвел назад локоть. – Кулаками они не бьют, не умеют. А бьют вот этим местом. Не ладонью, а ниже. Х-ха-а! Длиннопалая кисть стремительно метнулась вперед и ударила воздух основанием ладони. В темноте кто-то громко шмякнулся оземь.

– Ты чего?! – удивился Илья.

– С перепугу, – отозвался холоп Петровичей.

– И чем он особенный, удар этот? – Лука недоверчиво хмыкнул.

– Да есть мысль у меня... Думается, из-за него слухи ходят, что волоты – нечисть.

– Объясни.

– Ну представь. Ты лешему в лесу наступил на лапу сослепу, он тебя – х-ха-а!.. – стукнул и убежал. У тебя, может, и синяка не останется. А на самом деле от этого удара внутри что-то сдвинулось. Ты пришел домой, рассказал, кого в лесу встретил. А наутро взял да помер. Значит, лешак на тебя порчу нагнал. Так-то.

– По-твоему, выходит, они... Не нечисть? – спросил Лука осторожно.

Илья присел к костру.

– Да мне все равно, – сказал он. – Кто человечину ест, по-любому нечисть. Меня соловый этот смущает. Лесные-то больше серые или бурые, а то почти зеленые. Откуда он приперся, да еще с семьей...

– Но как же насчет порчи?

– Кто берегиню поймал – и по морде ей?.. А до сих пор живой.

– Молодая была. Неопытная, – уверенно сказал Лука.

– Ну так увидишь волота – зашиби его сразу, пока не успел порчу навести. Делов-то. Оружие против них – булава. Топором с одного удара не завалишь, а еще застрянет, останешься без топора. Про рогатины да копья говорено уже. Меч... Не знаю. Лучше всего булава. Пляши вокруг, не давай себя достать, а сам бей, бей, бей. На пролом, чтоб хрустело. Волот будет отступать задом. Поколотишь его как следует – повернется бежать. Тогда сразу промеж лопаток или, если допрыгнешь, по затылку. С первого удара промазал – не догонишь, учти.

– А стрелой?..

– Не в лесу же. И одной стрелы не хватит, разве что в глаз. А от Девятидубья до края леса всего ничего. Когда волот из чащи выскочит... Знаешь, а на один выстрел хватит времени. Только я ж тебя помню, ты с луком быстро управляешься, наверняка захочешь второй стрелой угостить волота. Не успеешь, даже не пробуй. Как выстрелишь, бросай лук – и за булаву.

– Ясно, – сказал Лука. – Эх, если бы не порча...

Илья издал странный звук, то ли вздохнул, то ли рыкнул.

– Вот этим ударом, какой я показал, Святогор убил моего коня. Сразу убил, безо всякой порчи. А потом меня свалил. Чуть дух не вышиб, я еле-еле раздышался. Но вроде не порченный хожу.

– А как ты с ним... Вообще? – спросил Лука. – Встретился как?

Илья сунул руку под куртку и задумчиво поскреб там.

– Да стыдно признаться. Я на него конем наехал. Среди бела дня. Он спал в малиннике. Спустился с гор ягодкой полакомиться. И тут как нарочно мне, дураку, малины захотелось. А ветер дул в мою сторону, не учуяли ни конь, ни я. Сказывают, я искал Святогора – не верь. Просто случай.

Илья поскребся снова и добавил:

– Повезло, что он меня свалил. Полез бы я драться, не знаю, чем бы кончилось. А так... Взял он храбра в полон.

Воцарилось молчание.

– А потом? – не выдержал Василий.

Лука крепко ткнул брата локтем в бок.

– Спать пора, – сказал Илья.

* * *

Девятидубье было когда-то большим селом, но год от года усыхало и съезжилось. Как ни странно, причиной тому стало оживление торгового пути. Издревле местные кормили проезжих и устраивали на ночлег, помогали ходить через брод. Когда обозы потянулись чередой, это прибыльное дело заняло столько люда, что почти все население Девятидубья превратилось в обслугу постоянного двора. Конечно, весной село пахало-сеяло, летом собирало ягоды-грибы, осенью било зверя, но основой его благосостояния давно уже стало удачное расположение. Селяне научились ловко чинить упряжь и даже кузницу завели ради гостей. Обозы приходили в Девятидубье к вечеру. Киевские переправлялись через речку и становились ночевать, а новгородские двигали через брод с утра. Брод был мелкий, замостить его никому даже не приходило в голову.

Будь село вотчинным, имей строгого хозяина, оно бы наверняка разрослось. А род не боярин, силком не удержит, гвоздем к месту не приколотит. Обозы так и звали за собой молодежь, манили в дальний путь к неведомым краям. Уходили с обозами по-всякому, кто рядился купцам в услужение, кто просто шел следом за подводами счастья искать. И к этой зиме Девятидубье насчитывало три дюжины людей с семьями – ровно столько, чтобы прокормить себя

и обслужить гостей. Были местные сыты и одеты, держали скотину, но чувствовалось – доживает село в вольном состоянии последние деньки. Киевляне давно к Десятидубью присматривались, даже не имея в виду карачевских или еще каких, себе его хотели. С решением затягивали, потому что проку от Десятидубья было, по сути, немного. Местный род жил своим умом, исправно платил дань, верно знал, кому клянуться. Разве что крестился трудно – вблизи стояло древнее капище, да волхв попался непонятливый. Киевляне сшибли идолов, примучили волхва, и все стало тихо-мирно. Здесь не имело смысла держать воинов, и глупо казалось на такое разумное село тратить даже самого бестолкового тиуна. Десятидубье было на виду и вроде как в порядке. Ну, загибалось потихоньку, но медленно. Все будто чего-то ждали на его счет.

Вот, дождались.

Примерно за версту до реки Илья поднял руку и крикнул вполголоса:

– Стой!

Спрыгнул с кобылы, бросил поводья Миколу, обернулся к Петровичам.

– Вы давайте тут, – сказал он. – Обустройвайтесь на ночь. А я схожу вперед, послушаю.

И, не дожидаясь ответа, ушел по дороге.

– Ты до темноты вернись! – крикнул Лука вслед.

Илья махнул топором, давая знать, что понял.

– Вернется? – спросил брата Василий.

– Булаву-то не взял, – объяснил Лука. – И лук оставил. Послушает, как на том берегу, – вернется.

– Ох, знаю я его. Зашибет там кого походя, и дюжины гривен как не бывало...

Неподалеку рассмеялся Микола.

– Подсокольник! – Лука погрозил ему пальцем. – Не балуй. Денежка счет любит, ты знай.

– Я-то знаю, – сказал Микола. – Это дядя Илья не знает. Он если кого зашибет, голову вам отдаст, верно говорю.

– Хороший дядя, – буркнул Василий.

Позади челядь утаптывала снег, тащила из саней растопку. Звонко ударили топоры по мерзлomu дереву.

Илья был уже далеко впереди, ноги сами несли его к реке, а если честно, подальше от стука топоров. От братьев Петровичей, думающих, что самые хитрые, от их шумной бестолковой челяди, и даже от Миколы. Илья не задумывался, что будет после, какая беда ждет в Десятидубье – просто сейчас ему наконец-то впервые за эту неделю было хорошо. Временами Илья страшно уставал от человеческого общества. Мог вдруг сорваться, исчезнуть из города, и пока все думали, что храбр отправился искать приключений, – незатейливо жить в лесу. Микола Подсокольник переживал «уходы» своего «дяди» чуть не плача. Злился князь. Не одобряли бояре. А вот Добрыня никогда не ругал Илью за его внезапные исчезновения. Случалось даже оправдывал, говорил, будто услал на дело храбра. Добрыня был единственный, кто понимал.

Если бы Илью спросили, что его так выводит из себя в человеках, он бы наверное ответил: нежелание видеть и слышать. Сам он мог до бесконечности всматриваться в бегущую воду, заслушивался шелестом листвы. С умилением подсматривал за тем, как белка собирает припас на зиму или птаха носит веточки в гнездо. Илья не чувствовал какого-то особого сродства с природой: он удивлялся, отчего другие равнодушны к ней. Прежде чем валить дерево, следовало объяснить дереву зачем. Перед убийством зверя – мысленно попросить у него прощения. Раньше все так делали. Теперь – нет. Жизнь необратимо менялась прямо на глазах, а с ней изменился и русский человек, что варяг, что славянин. Начал много говорить о «душе» и «грехе», но стал глух и слеп ко всему, чего нельзя положить в кошель или спрятать в погреб. Это было глупо, но понятно, вполне в человеческом естестве. Русь властно ломала под себя окоём, от ее могучей поступи заметно прогибалась земля. Шесть тысяч варягов заслать на

службу в Константинополь – раз плюнуть. Греки пожалели сестру василевса в жены нашему князю – осадим Херсонес, сами бабу пришлют. Печенеги, разбойное племя, – теперь друзья и наемники. От хазар и кучки дерьма не осталось, их стольный град Итиль мало что сожгли, так еще перепахали и засыпали солью – знай наших, жидовня. Булгары не рыпаются. Вечно буйный Новгород тих и смирен. А над Киевом сияют купола новеньких церквей. И по пути из варяг в греки идут обозы нескончаемым потоком...

Стой. Сейчас не идут.

Илья наострил уши. Потянул носом воздух. Впереди, на высоком берегу, виднелось мертвое – ни дымка – Десятидубье. Брошенное село, из которого спаслось не больше дюжины баб с детишками, а людей вообще ни одного. Бежало из села гораздо больше, санным путем на Карачев, но их перехватили по дороге.

Кто он, редкой соловой масти волот-убийца, непуганый, дерзкий? Ничего общего с черным увальнем Святогором. У того ведь тоже была семья – баба и дочь. Но Святогор сидел в неприступном ущелье, собирал корешки да орехи, в долину спускался не человечков шугать, а поесть вкусенького. Святогора волновало одно: из-за уединенности житья вот-вот прервался бы его род. На все остальное старый черный с проседью великан плевать хотел.

А этот?

Илья осторожно приблизился к реке. Снегопада давно не было, дорога осталась плотно наезженной, и только отсутствие свежих следов выдавало ее заброшенность. Илья сошел бы с дороги – чувствовал себя посреди нее чересчур заметным, будто голым – но не хотел скрипеть настом. Он весь обратился в слух.

Тот берег был мертв. Вот они, девять высоких дубов священной рощи, за ними смешанный подлесок, дальше темная плотная чаща. Прямо на берегу – низенькие баньки, избушки, сараюшки, вкопанные почти до крыш, бревна на три-четыре от земли. Хорошо виден постоялый двор, отстроенный по варяжскому образцу, длинный такой домина с примыкающей к нему кладовой. И ни души.

Неужто ушли разбойники? Вернее – дальше пошли. Соловый с родом явно кочевал. Добрыня ошибался, ругая местных, что они «приучили своего Перуна жрать человечину». Ну, может, не совсем ошибался, но его обвинение касалось давно минувших дней. Просто у Добрыни была своя правда и своя тревога. Отпрыск древлянского князя, он в детстве наслушался историй о страшных тварях, с которыми сталкивался его народ. А еще больше узнал о них, когда гостевал в Странах Датского Языка – недаром звал леших да берегинь йотунами. Добрыня всегда старался предугадывать будущее и опережать грядущие угрозы. Одной из таких угроз он считал йотунов. Воевода давно ждал чего-то вроде нападения на Десятидубье. Но пускай тут он угадал, это вовсе не значило, что вятичи сами накликали Солового себе на головы.

Нет, Соловый был не здешний, он просто шел мимо. То ли свои его погнали, то ли голодно стало на родине. Волот двинулся искать новое место и по пути очень не вовремя застрял в вятичьих лесах зимовать. Иначе Илья не мог объяснить его появление у Десятидубья и человекоедство. Вынужденное человекоедство, конечно. Соловому нужно было кормить баб и детей.

Что его, впрочем, не прощало. Илье тоже случалось голодать в дальнем походе, однако он-то не съел никого, даже коней не кушал, хотя и наступал самый край.

Илья стряхнул с бороды сосульки, повернулся было идти, но застыл на месте. Далеко-далеко в глубине чащи ему почудилось движение и неразборчивое лопотание. Кто-то там возился, бурча себе под нос. Храбр склонил голову, ловя звук.

Когда волот не прячется, не боится, что услышат его, он всегда лопочет неразбериху. Бур-бур-бур. Словно пробует говорить.

Илья перебросил топор в левую руку. Набрал побольше воздуха и дунул в два пальца – с переливом и железным скрежетом. Свист отразился от высокого берега и эхом запрыгал по сумеречному небу.

В лесу ухнуло. Как бы хлопнуло негромко. А потом в ответ свистнуло так, что Илья аж присел. Это был уже не железный скрежет, это сталь прошла по стали, до холода в сердце и мурашек по спине.

– Ага-а!!! – воскликнул Илья.

Бросил топор под ноги и принялся гулко барабанить кулачищами по груди, завывая и взрыкивая. Прыгая на месте. Строя зверские рожи.

– Угу-гу-у!!! Ага-га-а!!!

Это не был вызов на бой. Илья просто обозначил: я пришел, и мне не страшно.

Говоря по чести, страшно было. Сначала. Жуткий свист с того берега ударил прямо в душу, понятно стало, отчего так легко сдалось Девятидубье и бежала малая дружина. Но уже через миг-другой, распалившись как следует, Илья почувствовал себя привычно уверенным. Потом злым. А потом – страшнее всех на свете. С Ильей всегда так было перед серьезной битвой: сначала легкий страх, а потом боевая ярость. Надо только уметь эту ярость вызвать.

Теперь он был готов драться.

Храбр на своем берегу прыгал и махал кулаками, рыча, плюясь, выкрикивая ругательства. Из-за реки в ответ свистнули еще разок и притихли то ли выжидающе, то ли озадаченно.

Илья закашлялся. Сплюнул. Подобрал топор. Погрозил невидимому противнику кулаком. Повернулся и зашагал по дороге обратно. Он услышал достаточно. Возились-то в лесу, а свистели почти с берега, из священной рощи. Никуда Соловый не ушел, он ждал, что добыча сама придет к нему.

Дождался.

Все было совершенно ясно. Илья точно знал, как поступать дальше, какие отдавать приказания, чего опасаться, о чем не думать. А еще – поорать да посвистать от души было очень приятно. В городе себе такого не позволишь, народ пугается. Илья однажды шумнул на ярмарке потехи ради – зарекся. Ладно мужчины разбежались и попрятались, кому они нужны. Бабы потом от храбра шарахались, вот что обидно, даже самые жадные и сговорчивые. А ему как раз в поход надо было. Глупо вышло.

А хорошо нынче повеселился. И слышать тут далеко.

Илья представил, какие ошалелые рожи будут у братьев Петровичей, когда он вернется, и захохотал.

* * *

Встали затемно, наскребли по обочинам снегу обтереться, слегка перекусили, натянули тетивы, облачились в боевое. Не спеша подъехали к Смородинке. Через реку пошли, когда совсем рассвело. Первым шагал Илья, лениво помахивая булавой, сзади и по сторонам Петровичи, оба при длинных луках с наложенными на тетиву стрелами. Челядь и Миколу оставили на другом берегу. Челядь не возражала, Миколу храбр убедил подзатыльником.

На льду валялись останки нескольких коней – обрывки шкур да кости. Никаких следов вокруг не было, казалось, объединенную животину пошвыряли с берега вниз частями.

– Границу выложили, – буркнул Илья. – Ну-ну.

Петровичи шли в кольчугах и шлемах, Илья надел лишь толстую боевую куртку, обшитую железными пластинками. «Вдруг придется бегать-прыгать, – объяснил он. – А вы стреляете лучше меня, вам и луки в руки. Если кто высунется, сразу валите его, я булавой добыю».

Никто не высунулся. Троица без приключений взобралась на высокий берег, миновала еще одну россыпь конских костей и остановилась.

В старые времена Девятидубье было огорожено тыном, но уже при отце нынешнего князя тын снесли – обороняться стало не от кого, а ограда мешала разворачиваться обозам. Остались только ворота, то есть два столба с перекладиной, обозначающие въезд на постоянный двор. Сейчас ровно посреди ворот темно пятно на неглубоком снегу, и в нем – вмерзшая человеческая голова.

Петровичи медленно поворачивались из стороны в сторону, держа луки на изготовку. Широкие остро заточенные срезни – наконечники стрел на зверя и незащищенного врага – высматривали цель.

Илья все поигрывал булавой.

– Ты бы свистнул, а? – шепотом предложил Лука.

– Здесь никого нет.

Илья подошел к воротам, посмотрел на голову.

– Оторвали, – сказал он. – М-да... Убирайте луки, братья. Пойдем в избах смотреть.

– Говоришь же – нет никого.

– Все равно посмотреть надо.

– Ну так свистни. Если кто есть, вылезет сразу.

Илья недовольно фыркнул.

– Волоты ушли в лес, – объяснил он. – Спят, ждут ночи. Думают, мы тут поселимся, а они ночью придут. Зачем их тревожить сейчас? Нам много чего сделать надо, не хочу, чтобы мешали.

Петровичи неохотно попрятали стрелы, сняли тетивы и убрали луки в налучья за спину. Василий подошел к Илье и уставился на оторванную голову.

– На старосту похож. Ишь как, будто по чину, прямо в воротах бросили. Старосту здешнего помнишь?

– Не-а, – сказал Илья. – Они для меня все на одно лицо, старосты эти, тиуны... Вот девка тут была светленькая... Подавала на дворе. Забыл, как звали.

– Ксана? Она не только подавала. Она еще и давала.

Илья неприязненно покосился на Василия:

– Откуда знаешь?

– Так мне и давала.

Илья тяжело вздохнул. Василий поспешил объясниться:

– Я этот грешок потом замолил. И свечку поставил.

Илья вздохнул еще горше.

– За каждый раз, – добавил Василий.

Илья ловчее перехватил булаву, обогнул ворота и неспешно двинулся к постоянному двору.

Лука подошел к брату.

– Ты полегче с этим, – буркнул он. – Илья баб страсть как уважает. Прямо трясется весь, если кто бабу обидит. А они его не особенно любят. Боятся.

– А я виноват?..

Василий недовольно засопел. Он привык считать себя отважным, сильным, красивым и удачливым. Меньше всего его трогали чужие трудности с бабами, а увещевания старшего брата – злили. Лука, тоже сильный, красивый, везучий и смелый, с возрастом стал занудой и все чаще прятался за чужие спины. С таким братцем в руководителях прославиться трудно. А Василий очень хотел именно прославиться. Денег и челяди у Петровичей и так было полно. Не хватало громких воинских подвигов. За братьями числились ратные успехи, но только в составе дружины, в общем строю. Не то.

– Все равно ты Илью не зли попусту. Он сейчас главный. Мало ли...

– Добрыня его по головке не погладит, если нас тут прибудут, – понял намек по-своему Василий. – А князь, тот просто шкуру спустит.

– Ты лучше подумай, что будет с нами, если тут его, Урманина, прибудут, – посоветовал Лука угрожающе.

– Ну, мы скажем...

– Ничего мы сказать не успеем! – зашипел Лука. – И шкуру спустят – с нас. Нечисть спустит! Илья сам наполовину урманский йотун, не знаешь, что ли. Поэтому его ни порча не берет, ни волшба ихняя. Поэтому он их чует издали. Пока Илья жив, мы против нечисти сила. А если с ним чего случится, бросай все и беги за реку. Срубленных голов я видел достаточно на своем веку. А вот оторванных... Понял?

– Вы чего там шепчетесь, братья? – позвал Илья. – Сюда идите. Тут есть на что посмотреть.

Распахнутая дверь постоянного двора не была повреждена. Ее открыли изнутри. Мерзлая утоптанная земля вокруг двери чернела застывшей кровью.

– Ловко придумано, – Илья ткнул булавой вверх. На крыше была широкая дыра со равными краями.

– Один-два зашли через крышу, и народ сам на улицу выскочил. А остальные ждали тут, – понял Лука.

– Точно.

– Не вижу кострищ, – Лука огляделся. – Удивительно. Как еще отпугивать нечисть по ночам?

– Здесь не держали оборону, – сказал Илья. – Только прятались. Мне так кажется. Днем высовывались, наверное, а ночью все набивались на двор и сидели, дрожали.

– Почему?

– Страшно было, вот почему.

– Расспросить бы тех баб, что добежали до Карачева.

– Мы уже довольно знаем, – отрезал Илья. – Ну, полезли внутрь.

Внутри все было поломано и перевернуто вверх дном. Не уцелело на первый взгляд ни единой лавки. Открытая дверь и дыра в крыше давали достаточно света, чтобы понять, насколько заляпаны кровью стены и пол. Кое-где валялись обрывки одежды. Прямо над дверью торчал из бревна глубоко вбитый широкий лесорубный топор.

– Промазал смерд... – сказал Василий. – Жаль.

Он попробовал вырвать топор. Не получилось.

– Отойди от двери, свет застишь, – буркнул Лука, щуря глаза. – Тела где? Ни огрызка не видать.

– Утащили к лесу, сожрали там. – Илья ушел в глубь двора и сразу потонул в сумраке. – Посмотрю-ка кладовую. Не ходите за мной, вам темно будет, угостите еще по затылку сослепу...

– Не очень-то и хотелось, – сообщил Лука.

– В кладовую или по затылку? – съехидничал Василий, лениво дергая топор.

– Надо было огня взять, – сказал Лука. Подошел к брату, отодвинул его от двери, взялся за рукоятку топора и легко выдернул его из бревна.

– Силён, – оценил Василий.

Тихонько свистнул Илья. Братья поспешили к нему.

Невысокая кладовая, пристроенная ко двору вдоль стены, оказалась наполовину забита сеном. Под застрехой виднелись узкие щели, через которые скупно пробивались солнечные лучи. На полу валялись ломаные полки, битые горшки, обрывки берестяных туесков, какая-то ветхая драная мешковина, части конской упряжи.

– Осмотритесь, – сказал Илья. – Ночью здесь будете. В сено зареетесь, хорошо переночуете. Только спите по очереди, я проверю. И следите за этими щелями под крышей.

– Ты главный, – отозвался Лука.

– О вас же забочусь. Пошли отсюда, избушки смотреть. Василий, ступай к реке, помаши нашим, чтобы подтягивались. Только не кричи. Да, голову эту оторванную спрячь куда-нибудь.

Жилища местного люда, убогие полуземлянки, оказались в разной степени разорены, но как-то вяло, не по драке. Судя по всему, сначала избушки были поспешно брошены, а потом в них возился некто большой и неповоротливый.

– Ты прав, – сказал Лука. – Все прятались на постоялом дворе. А куда им было деваться... Но ведь это случилось не в один день. И не в одну ночь. Их тут неделю ели, если не больше...

Он стоял на улице, глядя в сторону девяти дубов священной рощи. Рядом встал Илья, уперев руки в бока. Лука Петрович сразу показался высоким, но очень тонким, каким вовсе не был.

– Почему местные не бежали все сразу? Кто-то ведь попытался... – думал вслух Лука. – Не догадались, что будет? Или так держались за свою волю? Не хотели звать дружину на помощь, боялись попасть в вотчинники? А? Не понимаю.

– Они были сильно напуганы, – сказал Илья.

– Я, знаешь, тоже иногда пугаюсь, – сообщил Лука доверительно. – Но не дурею от страха, а выход ищу.

– Вот поэтому ты храбр, а они... Просто люди.

Лука горделиво надулся и выпятил бороду.

На берегу фыркали кони и вполголоса переругивалась челядь.

– Займись кострами, – попросил Илья. – Дырку в крыше надо заделать по-быстрому. Так... По-моему, всё. И проследи, чтобы сильно не шумели.

– Ты пробовал развалить дом без шума? Хотя бы такой маленький?

Илья почесал в затылке.

– Вот пускай твои и попробуют, – сказал он после некоторого раздумья. – А ты проследи.

– Ну-ну... Костры как часто класть?

– Как можно чаще. На две дюжины шагов, не дальше. И нужен запас дров на вторую ночь.

– Мы так все село раскатаем, – заметил Лука неодобрительно. – Один двор с кладовой останется.

– И хорошо. Меньше места оборонять проще.

– Жалко... – протянул Лука.

– Твое село, что ли?

Лука рассмеялся.

– Ну ты даешь, Урманин. Как сказанешь – и возразить нечего. Поддел меня, поддел...

– А кто говорил, что я глупый? – Илья хитро прищурил один глаз.

– Я не говорил!

– Ты говорил, – сказал Илья. – Но это было давно.

* * *

Булава у Ильи была в руку длиной, не его руку, конечно, а простую человеческую. Навершием служил железный куб с тупыми шипами на четырех сторонах. Надежное оружие, совсем простое, и не скажешь, что знаменитого храбра. Давным-давно, по молодой глупости, Илья заказал себе булаву много длиннее и тяжелее обычного, которую выкинул после первого же серьезного боя. Эта дура могла размазать врага в кровавую юшку с одного попадания, от нее не было спасу ни щитом, ни броней. Но, увы, булава-великанша таскала Илью за собой, закручивала, вынуждала приноравливаться к своему весу, рассчитывать все движения на несколько

ходов вперед. А Илья привык быть самым быстрым, действовать по наитию, бить в слабое место, едва оно откроется, уходить из-под удара, когда противник уже уверен, что тебе конец. Да, Урманин представлял собой очень большую цель. И в пешем бою его ноги перемещали огромное тело не так скоро, как хотелось бы. Зато Илья почти не чувствовал веса оружия и брони. В двух кольчугах, шлеме, с топором и булавой, он мог вертеться на месте ловчее всех. И даже иногда невысоко подпрыгивать. Еще очень помогала длина рук. И наконец, Илье было достаточно ударить человека один раз. Ударить чем угодно. Недаром Лука Петрович сказал брату: «А он дерево сломает и тебя по репе треснет...» Лука однажды это видел.

Сейчас пальцы Урманина стиснули рукоятку булавы так, будто хотели сломать ее.

Илья стоял посреди священной рощи, уставившись пустыми глазами на Перуна. Это был совсем новенький идол, наспех вытесанный, неглубоко вкопанный, измазанный кровью.

Здесь вообще кровью было измазано все. И повсюду валялись начисто обглоданные кости. Илья догадывался, почему на девяти дубах не висят кишки, – их подъели.

В лес уходили следы, множество следов. От ног и от волочащихся тел. Прямо рядом с сапогом Урманина в окровавленном снегу отпечаталась ступня, похожая на человечью. Почти вдвое больше, чем безразмерная нога Ильи.

Перун скалился Илье в глаза. Перуна вырубил топором и быстро дорезали ножом. У Перуна были клыки волота, остrokонечные уши волота, круглые маленькие глаза волота, растопыренные ноздри волота. Пока его не окропили кровью, свежееобтесанное бревно было светлым, почти золотистым.

Перун был Соловым.

...При свете дня, когда нажравшаяся человечины нечисть отсыпалась в чаще, сюда пришли люди. Выдолбили в мерзлой земле яму. Воткнули идола. Спели ему, сплясали перед ним, вознесли к нему мольбу. А потом? Перерезали горло ребенку? Бросили к ногам Перуна шкуру и на ней быстро по очереди вошли в дрожашую от холода девку, после чего срубили ей, уже бесчувственной, голову – может, тем самым топором? Или в таких случаях положено отдавать девку Перуну непорченной? Значит, сразу топором по шее? Все это не могло помочь никак. Могло только подарить людям надежду. И они надеялись. До следующей ночи...

Илья медленно обошел священную рощу. Слишком много следов, все затоптано. Такое же месиво на пути от рощи к селу, не поймешь, кто куда и когда бежал. Но похоже, в самый разгар кровавого жертвоприношения из леса выскочила нечисть, вся до последней мелкой тварюки, и напала на молящихся. И разметала в кровавые ошметки. И съела. Илья подумал – это было справедливо.

Они могли биться и умереть достойно. Могли после первых же смертей бежать, не по опасной узкой дороге в Карачев, а за реку, к далекому Киеву. Боялись, волоты настигнут их? Наверное. Но они могли сделать хоть что-то! Не сдаваться.

А они взяли и пали на колени перед божеством.

И божество наказало их за слабость.

Илья вернулся к Перуну. Еще раз посмотрел на него пристально.

– Нет, ты не бог, – сказал он идолу.

Повесил булаву на пояс. Развязал пару ремешков, стягивающих куртку у шеи. Сунул руку под рубаху, нащупал там крест, а рядом с ним кожаный мешочек. Достал что-то из мешочка и показал Перуну.

– Гляди.

На ладони Урманина лежал маленький кусочек железа в виде буквы Т.

– Увидел?

Илья спрятал железку обратно на шею, застегнул куртку и снова взял оружие в руки. Мгновение он стоял перед идиолом, словно раздумывая, не врезать ли ему булавой по оскаленной морде.

– Теперь ты знаешь, что будет, – сказал Илья.

Круто повернулся и ушел к селу.

Из Девятидубья донесся сдержанный грохот. Там пытались без лишнего шума раскатать избу.

* * *

Малая дружина не добилась в Девятидубье ничего, кроме позора, но дала уяснить важное. Нечисть не хотела идти за Смородинку. Только пара молодых рыже-бурых тварей выскочила на лед, преследуя отступающее воинство, но сразу встала. Обычно волоты не боялись рек, наоборот, они любили воду, хорошо плавали и ныряли, а зеленые лешаки так вообще жили на болотах, в самой топи, питаясь лягушками и змеями. Отогнать от реки берегиню надо было постараться. Да никто, пожалуй, и не пробовал, если оставить братьев Петровичей, которые непонятно чего с берегиней учудили – по пьяни небось.

Раз отпрыски Солового встали на реке, а потом еще пошвыряли на лед объедки коней, обозначив так границу, значит, глава рода не считал землю за Смородинкой своими охотничьими угодьями. Видимо, он с самого начала двигался на восход, туда, где леса гуще, дичи больше, селений меньше. Не застрянь он у Девятидубья да не оголодай вконец, никто бы его и не заметил.

По большому счету, все эти «если бы да кабы» Илью не заботили. Ему надо было убедить то, что он пренебрежительно называл «обоз», – сани, коней, челядь Петровичей, Миколу. Дабы строптивый парубок не дергался, его назначили над челядью временно главным. А то прискачет, неровен час, на подмогу, тут и конец ему.

Миколу приказали до захода солнца убраться с обозом на пару верст за реку, встать по возможности в открытом месте, обложиться кострами и сидеть тихо до особого распоряжения.

– А если тут у вас что? – неуверенно спросил Микола.

Он нашел в снегу у реки оброненный кем-то из дружинников меч и с тех пор очень волновался. Когда дружина, пусть даже не «младшая киевская», а вовсе малая, с бору по сосенке, удирает, теряя оружие, тут заволнуешься.

– А если что, я тебе свистну, – пообещал Илья.

Как и предсказывал Лука Петрович, от Девятидубья мало чего осталось, когда его раскатали на требуемое количество дров. Только баньки у реки не тронули, да кузницу Лука не позволил ломать, маленькую, тоже над самой рекой, наверняка переделанную из бани.

– Железо из кузни грузите в сани, – распорядился он. – Пригодится в хозяйстве.

Подгоняемая страхом, челядь разметывала избушки и кладовки с невероятной скоростью.

– Истинно говорят: ломать не строить! – только и сказал Василий.

– Вот вы, значит, как можете трудиться на самом деле, – добавил Лука. – Вернемся домой, высеку всех скопом и каждого по отдельности. Лентяи!

Постоялый двор обнесли кольцом высоких, в рост человека, костров, готовых к немедленной растопке. От костра к костру бродил Лука и вздыхал. Стало ясно, что хоть Петровичу и отказали, а в мечтах он все равно видел Девятидубье своей вотчиной.

Пока обоз собирался, витязи сели подкрепиться. На ночь и утро Микола сделал каждому по два куска жареного мяса, завернутого в толстые лепешки. Для питья отыскал пару уцелевших кадушек и наполнил их водой из проруби.

– Хозяйственный какой, – оценил Василий. – Болтает только много. Микола, а Микола! Бросай своего дядю, иди ко мне. Не пожалеешь. Делать ничего не надо, мне и так четверо штаны подадут. Когда осмотришься, ключником тебя поставлю.

– Я в холопы не пойду. Да у вас и терем-то не свой, – ляпнул Микола.

Василий залился краской и поднял было кулак, но передумал.

– И правда болтает много, – согласился Илья. – Пороть его некому.

– Ты ему дядя, ты и выпори... – прошипел Василий.

– Домой вернемся если – выпорю, – пообещал Илья.

И незаметно подмигнул Миколу.

Смеркалось. Илья на прощанье огладил Бурку, что-то шепнул ей на ухо, и обоз ушел за реку. Хмурый и сосредоточенный Микола ехал последним. «Потому что я главный, а опасность сзади», – объяснил он.

– И правда добрый парубок, – сказал Лука. – Не бывать ему ключником. В дружинники глядит. Слышь, Урманин! Не отпускай его. А то он так много о себе мнит, что непременно молодым погибнет.

– Не бухти, – попросил Илья. Он стоял у растопочного костра, глядел в сторону леса, склонив голову набок, и даже вроде шевелил ушами.

Петровичи послушно замерли. Освоившись в Девятидубье, они заметно осмелели, но сейчас приближалась ночь.

– Учужали нас, – сказал Илья. – Днем еще учужали, но через сон. А теперь просыпаются. Берите головни, братья. Палите, и расходимся по местам.

Костры вспыхнули быстро, постоялый двор опоясался кольцом пламени. Стало очень светло внутри кольца, и непроглядная темень застила мир за его пределами. Илья обошел всю огненную стену, придирчиво ее разглядывая, и остался доволен.

– До утра ни одна тварь не сунется.

По задумке Ильи, твари должны были всю ночь шастать вокруг двора и к утру сдуреть от злости. Кто-то наверняка уйдет в лес дрыхнуть на голодное брюхо. А те, что останутся, будут в самый раз для битвы – усталые, отупевшие, рвущиеся к добыче любой ценой.

– А утром мы их поодиночке...

И тут из-за костров свистнули.

Лука и Василий выронили головни, присели и зажали уши.

– Привыкайте, братья, – посоветовал Илья, болезненно морща лоб. – Это еще легонько. Вот сейчас...

Новый посвист был похож скорее на хлопок, словно кто-то, ростом до неба, звонко ударил в ладоши. Василий со стоном упал на одно колено. Лука мотал головой. Даже Илья чуть пригнулся.

Ударило по ушам вновь, так, что загудело в голове.

– В дом! – крикнул Илья.

Следующий удар они перенесли легче, его ослабили бревна.

– Убью! – прохрипел Василий. – Убью тварь, зажарю и съем!!!

– Молодец! – Илья шлепнул было Василия по плечу, но тот вовремя отшатнулся.

– И так всю ночь?! – простонал Лука.

– Нет. Устанет. Соловый хоть и нечисть, а тоже живой.

Жжжжах! Свист стал выше, теперь он не бил, он резал.

Илья присел на лавку. Здесь успели навести порядок, хоть и наспех, соорудили даже подобие стола на козлах. Тлели лучины, как раз пора было их переменить.

– Стрельнуть, что ли? – буркнул Василий, потирая ладонями уши. – На звук. Я умею. Понять бы, откуда он... Будто отовсюду.

Посвист стал еще резче, потом рассыпался, окружая постоялый двор.

– Будто отовсюду... – повторил Василий.

Илья взял пригоршню свежей лучины со стола, поворошил в пальцах, отложил.

– Лезьте в кладовую, – сказал он. – Возьмите сена или тряпок каких, в жгуты скрутите, заткните уши. И ждите утра. Скоро нечисть утомится, будет ходить кругом молча. Когда прогорят костры, ползет сюда. Ко мне через дверь, к вам через щели под застрехой.

– А вдруг опять крышу проломают?

– Нет. Если дырка есть, нечисть всегда идет в дырку. Тут-то мы ее и встретим. Полдела сделано, братья. Нам теперь не уйти отсюда. Им – тоже.

Илья усмехнулся и положил на стол булаву.

* * *

Нечисть всю ночь бродила вокруг двора, не решаясь пересечь огненное кольцо. Волоты свистели и улюлюкали, рычали, визжали на разные голоса. Потом начали уставать и злиться. На это Илья и рассчитывал. В самое свое время – темное – нечисть оказалась от добычи отрезана. Ближе к утру волоты озверели настолько, что подрались между собой. Потом самые крупные убралась в лес несолоно хлебавши. А молодь затаилась неподалеку, лишь иногда выдавая себя гулками вздохами и лопотанием.

Илья ночью не присел ни на миг. В углу лежал меховой плащ, можно было прикорнуть вполглаза без боязни замерзнуть. Но храбр не стал разводить огонь в каменке и лучинам дал погаснуть. Бродил по темному двору из угла в угол – опасался, что матерая тварь, может, сам Соловый, наберется духу пробежать между кострами. А еще слушал, очень внимательно слушал. И принюхивался.

На слух выходило, что волотов действительно пятеро. Двое старых, двое средних, один мелкий. Как эта ватага учинила такой страшный разбой и обратила в бегство дружину, удивляться не приходилось – даже Петровичи, тугоухие и начисто лишённые воображения, терпели посвист Солового с трудом. И то их воодушевляло присутствие Ильи. Без него отважные храбры мигом намазали бы салом пятки. Выдержать сатанинское пенье волотьего хора было выше человеческих сил.

И в драке один на один даже самая мелкая тварь легко убила бы безоружного человека. Еще проще ей погубить коня – прыг на шею, да за горло зубами. Илья невольно поежился, вспомнив о любимой Бурке, вечно сонной на вид. Кобыла была уже в годах, скоро надо искать ей замену, а где еще такую громилу взять, они не часто рождаются... Бурка с хорошего разгона затоптала бы в кровавый блин даже старого волота, но прыжок на шею был для нее верной смертью. И хотя к своему разбойничьему свисту Илья кобылу приучил, кто знает, как бы она себя повела, рыкни на нее Соловый.

Нет, ни простой дружинник, ни самый хорошо обученный боевой конь негодились против волотов. Добрыня знал, кого сюда посылать. И недаром князь с ним согласился.

Начало светать. Костры почти догорели. Илья встал в угол и весь обратился в слух. Вот потрескивают угли. Вот дышит во сне один из Петровичей, второй не спит, хорошо. А нечисть? Неужто вся ушла?

Шорох. Еле слышный шорох за стеной кладовой. Нет, не за стеной – по стене.

Бац!!! И в ответ – звериный визг.

Илья схватил лук, одним движением надел тетиву и выскочил со двора, по ходу накладывая стрелу. За Петровичей он не волновался. Если Лука приложил кого кистенём в лоб, там беспокоиться не о чем.

Костры едва тлели. Вблизи чужаков не было кроме того, что влез на конюшню. Илья отбежал шагов десять, развернулся и встал к лесу грудью, высматривая, вынюхивая, выслушивая нечисть.

Из кладовой доносились глухие тяжелые удары. Каждый удар сопровождался тонким бабьим взвизгиванием.

Илья опустил лук. Похоже, остальная нечисть убралась глубоко в лес – спать. Ну, один волот уже добыча. Дюжина гривен Петровичам, да и себе какая-никакая радость от выполненного дела.

Бить в кладовой перестали, теперь оттуда слышалась какая-то странная возня. Потом раздалось негромкое утробное подвывание. Будто бы женское. Илья недоуменно поднял брови. Снял тетиву, убрал в кошель на поясе. И поспешил к Петровичам.

– Вы... Вы чего?! – только и вымолвил он, пробравшись в кладовую и увидев, что там творится.

Наружную стену кладовой поддерживали нетолстые столбы. Теперь на этих столбах было распято кожаными ремнями тело, с виду человекье, только заросшее пегой шерстью. И Василий Петрович пристроился к нему промеж широко раздернутых ног.

– Девку поймали! – радостно сообщил Лука.

Илья молча взял Василия за шиворот и отодвинул в сторону.

Это была совсем молодая самка. Длинные, ниже плеч, волосы на голове, прямая челка над бровями, мягкая шерстка на едва различимой груди. Ростом мохнатая «девка» была со взрослого мужчину.

– На разведку пришла, – объяснил Лука. – Залезла тихонько, огляделась, тут я ее и угостил гирькой промежду глаз... Хорошо, здесь кто-то упряжь забыл. Пригодилось вязать.

«Девка» была ни дать ни взять именно девка, только руки-ноги очень длинные, да еще нечеловечье лицо. Заостренные уши, низкий лоб, вывернутые ноздри, скошенный подбородок, огромная пасть, усеянная крепкими зубками, – предусмотрительные братья пропустили между зубов вожжу, и сейчас «девка» грызла ее, тихонько всхлипывая. Глаза были закрыты, выше переносицы под шерстью вздувался громадный желвак: сюда Лука угодил гирькой. Человека такой удар не прибил бы, так оглушил. А эта – жила и даже сопротивлялась.

– И чего вы с ней?.. – хмуро спросил Илья.

– Девка же, – просто сказал Василий, придерживая обеими руками спадающие штаны.

– Нельзя! – не думая выпалил Илья. Очень резко, неожиданно даже для себя.

– Ты чего? – удивился Василий, боком тесня Илью.

– Да как же можно...

– Мало они наших баб воруют?! – рявкнул Василий. – Сколько угодно! Вот мы сейчас им за это... Отомстим!

Илья угрожающе рыкнул. В ответ еле слышно – мешала вожжа в зубах – залопотала «девка». Василий перестал толкаться, перевел удивленный взгляд с «девки» на Илью и обратно.

– Одумайтесь, братья! – потребовал Илья. – Это же... Это же...

– Девка, – напомнил Лука. – Ну страшная, а чего? И не таких случалось. Дай повеселиться храбрам. Разве жалко?

Илья ссутулился больше обычного, чувствуя себя непривычно беспомощным. Это была добыча Петровичей, и они могли делать с ней что хотели. За Ильей оставалось, конечно, право главного, вплоть до присвоения добычи, но в старшей дружине вопросы так не решались никогда. Одно дело руководство в сече, тут попробуй Илью послушайся, сразу пошел из дружины вон. А вот дележ чего поймали – совсем другой разговор.

Сейчас Илья дорого дал бы, окажись с ним вместо Петровичей пара младших дружинников. Однако тех «девка» помяла бы едва не до смерти – а опытные и крепкие Петровичи ее скрутили вмиг. От них еще будет толк в драке с волотами. Но нельзя же так!..

– Нельзя же так... – буркнул Илья. Они с Василием осторожно толкались, легонько, чтоб не до драки. Василий лез к «девке», а Илья ему мешал.

Лука мягко положил руку Илье на плечо.

– Слышь, друг хороший, – сказал он. – Ты не понял. Это же приманка для остальных! Мы ее слегка того-сего, она помычит, попищит, родичи ейные в лесу услышат и опять сюда прибегут.

Илья дернул плечом, сбрасывая руку. Обернулся к Луке.

– Плохо так. Нехорошо.

– Она ведь не человек, – заметил Лука, вкрадчиво заглядывая Илье в глаза. – Она вообще не разбери-поймешь.

– Тем более!

– Неделю без бабы, – пожаловался Василий у Ильи за спиной. – Тут и козу огуляешь.

– Лучше уж козу... А порчи не опасаетесь? – вспомнил Илья. Его медленно выпирали из кладовой, и он понятия не имел, что делать. Не бить же этих чудаков.

– Не-а, – сказал Лука. – Я еще ночью догадался, когда слушал их вопли. Ты прав, нету от них порчи. Только пугать умеют. А теперь, как мы насовали этой в рыло, так я вообще их не боюсь.

– Раз не боишься, значит, можно есть? – Илья презрительно фыркнул.

– Надо есть, Илюша. Надо. И чтобы за наших баб отомстить, и чтобы совсем не бояться.

Василий таки отпихнул Илью и опять пристроился к «девке». Та пискнула.

Илья протянул длинную руку и оттащил Василия.

– Да что ж ты непонятный такой! – возмутился тот. – Чего тебе надо?

– Неправильно это, – объяснил Илья. – Нельзя силой. Лучше добейте.

Он бы и сам добил несчастную, да Василий ее заслонял. И уж больно не по делу было ссориться с братьями сейчас.

Внутри у Ильи все клокотало. Он не думал и не хотел думать о том, сколько человек истребила «девка». Сколько поела. Попадись она ему за разбоем, он бы сплющил ей черепушку в один удар. Но сейчас «девка» была для Ильи всего лишь поверженным врагом. Беспомощным существом, жестоко избитым, болтающимся в подвешенном состоянии ногами врозь. Храбр не испытывал к ней ничего, кроме жалости. И то, что Петровичи хотели с «девкой» сделать, Илья воспринимал как надругательство.

Отчасти еще и надругательство самих Петровичей над своим человеческим естеством. Мало ли, кого топчут волоты. Это еще не повод «мстить» им таким же образом.

– Ну стойте! – почти взмолился Илья.

– Ты главный. – Лука кивнул. – Мы ждем. Слу-ушай, может, ты свою долю хочешь? Имеешь право. Давай, вставляй. Первому храбру – первое место!

Илья от изумления схватился за голову. Василий, воспользовавшись этим, тут же просочился к добыче.

– Да как можно совокупляться с... ними! Что же вы над собой-то творите, братья?! Нельзя!

«Ибо сказано: два будут одна плоть», – выскочили из глубин памяти слова, подслушанные в церкви. Правда, это относилось к блудницам. И никому не мешало совокупляться. Но ведь с бабами! Да и блудниц на Руси не бывало отродясь, дал бабе денег в благодарность или подарил чего – не блудница же она после этого. Говорили, в Греции блудниц полно. Недаром книга Библия, принесенная на Русь греками, так их ругала.

– Скажешь, мало волоты наших баб потоптали? – спросил Лука. – Слышал небось, что с такими бабами после делают? Всем селом в одну дырку – и на плаху. Остынь, Илюша.

Василий, недовольно ворча, пристраивался к «девке», раздвигал ей шерсть в паху, то и дело оглядываясь через плечо на Илью – не цапает ли снова.

– Мы ведь ее сразу прибьем, когда закончим, – сказал Лука. – Так какая разница, кто она и что. Шел бы ты, Илюша. Дай развлечься.

Илья стоял в замешательстве, хлопая глазами.

– Да вы просто звери какие-то! – выпалил он.

Лука недобро прищурился.

– Ты нашего не замай, – с поддельной ласковостью проговорил он. – Я понимаю, тебе неприятно. Ты же сам... Не просто так на свет народился. Верно?

Илья отшатнулся.

А через миг бросился из кладовой вон, так задев плечом Луку Петровича, что тот упал. Позади сдавленно взвизгнула «девка».

* * *

На постоялом дворе Илья метнулся к кадлушке с водой, плеснул в лицо, отпил через край, еще плеснул. Схватил огромный свой меховой плащ на шелковой лазоревой подкладке – ценой как обе шубы Петровичей, – укутался им по самые глаза и рухнул в угол.

Ему хотелось стать очень маленьким и незаметным.

В кладовой «девка» стонала и выла так, будто ее не насиловали, а по живому резали. Илья заткнул уши, но не помогло. Он ощущал чужие страдания нутром. Да, «девка» пролезла в кладовую убивать. Но не для удовольствия, ради еды. А Петровичи глумились над ней, просто чтобы потешиться. Какая там месть! Какая приманка для волотов! Петровичам надо было доказать себе, что они сильные и смелые. Они для этого и берегиню толстозадую огуляли когда-то. За-ради удали молодецкой.

Неизвестно, как себя чувствовала берегиня, а вот «девку» не тешило сношение с храбрами киевской дружины. «Девка» чуяла, что ее скоро забудут булавой. А еще Илья, к несчастью, дал понять, что у нее тут есть защитник. И звала она на помощь не столько родичей из леса, сколько его, Илью.

С ним она легла бы, кстати. Сама, охотно... Илью от этой мысли аж передернуло.

Привязалась бы накрепко. Стала бы преданной домашней скотиной. Охотилась бы для него, а если надо, и убивала. Расчесывала ему волосы... Страхолюдина и человекоедка.

Илья пару раз стукнулся затылком о стену. Не полегчало. Некстати он вспомнил, как за ним ухаживала иссиня-черная дочка Святогора. А папаша издали любовался и довольно хрюкал.

Вот за это он не смог убить ее, страшную – она его любила.

С виду зверь, а все равно баба.

Волоты, лешаки, одноноги – женская часть всей этой нечисти считалась невероятно похотливой, издревле ходили слухи о том, что русалки волшебной приманивали к себе парней и залюбывали до смерти.

Все сказания и байки предостерегали мужчин от связей с нечистью. Во-первых, разыгравшаяся берегиня легко могла свернуть шею незадачливому любовнику. Во-вторых, подумать боязно, кого она потом родит.

Боязно подумать.

Илья заскрипел зубами.

Его родила мама.

Он с раннего детства знал, что не такой, как все. Иногда ему кричали в спину – эй, отродье однонога! Тогда Ульф догонял и бил. Легонько, чтоб не насмерть. Это научил отец. Сказал: обязательно бей любого, кто возвысит на тебя голос или поднимет руку. Но только вполсилы. Ибо пока ты мал, за совершенное тобой смертоубийство отвечать будут родители. Понял, Ульфи-Вульфи? Скажи им, что ты оборотень, что можешь перекинуться в волка. Пусть боятся.

Дети не верили, что Ульф оборотень. Сколько ни рычал по-звериному – дети пугались, но потом снова задирали его. Чтобы побороться. С ним любили бороться, хотя он всегда побеждал. К нему вообще тянулась всякая живая тварь. Тянулась с опаской, иногда преодолевая

злобу, но все равно лезла, не понимая, то ли загрызть, то ли облизать с ног до головы. Ульф был странен и этим притягивал. Его ненавидели собаки – он научился так смотреть на них, что сами ползли на брюхе целоваться. Шарахались кони – он стал говорить с ними, и к Ульфу взревновали все окрестные жеребцы.

Отродье однонога. Ульф спросил отца, что это значит. Значит, ты могуч как йотун, сказал отец, и хватит об этом.

Ульфи-Вульфи, звереныш мой, говорила мама, и мальчик чувствовал: ей отчего-то больно.

Когда Ульф вырос и стал воином, то догадался, почему было так больно маме. Но он спрятал эту догадку в самый дальний уголок памяти. Иначе, стоило только вспомнить, его скручивало в дугу от жалости к маме, отцу, себе – и слезы хлестали из глаз. А жалость быстро переходила в ненависть – к маме, отцу, себе... Нет, это было совсем не нужно. Ульф Урманин и так оказался слишком одинок и неприкаян на этом свете, чтобы жить во злобе.

А к йотунам он был равнодушен. Волки да медведи тоже жить мешают. Подумаешь, йотуны.

Но как же он их ненавидел!..

Илья вскочил, сбросив плащ на пол, снова отпил ледяной воды. Глупцы Петровичи разбредили ему душу. Голова раскалывалась от бешенства. На постоялом дворе вдруг стало тесно и нечем дышать. Илья сжал ладонями виски и, пошатываясь, шагнул через порог.

Он брел куда-то, ничего не видя и не слыша вокруг, закрывшись от всего мира, чтобы в своей безумной ненависти не перевернуть его.

Да идите вы все со своими Петровичами, князьями, вольными селами, йотунами, киевским столом, греческими священниками, варяжскими гостями, торговыми обозами... Как вы живете?! На что вы похожи?! Чего вы хотите?! И за что вы так мучаете меня?!!!

Илья остановился, только когда почувал впереди опасность. Протер слезящиеся глаза. И обрадовался.

Он пересек линию костров и подошел вплотную к священной роще.

Из рощи на него наступала, рыча и скаля зубы, огромная волосатая тварь.

Бабища с ужасной звериной мордой. Выше Ильи почти на голову, в плечах, как он, а ниже спины, как полтора Ильи. Пегая с проседью. Мамаша.

У супруги Солового были необъятные бедра, огромные груди свисали до пупа, тяжело мотаясь при каждом шаге. Маленькие красноватые глазки, казалось, полыхали огнем. На ходу мамаша переваливалась как гусыня, но приближалась очень быстро. Еще немного – и сгребла бы Илью длинными лапами.

Илья чуть присел и рыкнул, вызывая на бой.

Мамаша прижала уши, разинула пасть и завизжала.

Илья временно оглох. Успел подумать, что разозленная медведица не такая страшная, пожалуй.

А старая самка прыгнула на него.

Илья бежал со двора так поспешно, что оставил там булаву. Из оружия с ним были только непременный засапожный нож да любимая плетка-семихвостка за поясом, давний подарок Добрыни.

И вот этой плетью Илья хлестнул, рубанул мамашу с разворота поперек ее болтающихся грудей. Семь ремней с узелками, в каждый из которых был зашит кусок свинца, глубоко вспахали живую плоть и улетели дальше, потянув за собой алые струи, ярко-алые в свете колючего зимнего солнца.

Самка вскрикнула так, что Илья расслышал этот вопль даже сквозь набившуюся в уши глухую тишину. Телом расслышал. Он уже завершил свой отскок-разворот и прочно встал на обе ноги рядом с тропинкой, а самка бежала сквозь то место, где Илья только что был. Руками

она обхватила себя, пытаясь зажать раны. И кажется, сильно клонила вперед. Вот-вот упала бы.

Короткая, чуть шире ладони Ильи, рукоять семихвостки была втаита из тех же сыромятных ремней, но внутри прятался железный стержень. Наружу выглядывал полукруглый, как шляпка гриба, ударный наконечник. Илья шагнул мамаше за спину, изо всех сил подпрыгнул и с размаху врезал железкой под острый затылок, туда, где едва угадывалась шея.

В руку отдалось хрустом. Огромная баба медленно повалилась мордой вниз, безвольно уронив руки вдоль туловища. Снег под тушей сразу набух кровью.

Илья осмотрелся. Потряс головой. Он по-прежнему не слышал почти ничего. Но остро чувствовал неприятный буравящий взгляд из леса. За Ильей наблюдали – опасливо, нерешительно. Кажется, его начали бояться. Он слишком легко одержал победу.

От села шли на подмогу Петровичи, опять со своими луками, мелкими шажками, испуганно полуприсев, нелепо тыча стрелами во все стороны. Илья высоко поднял руку, давая знак – стой. Дождался, пока его увидят, и показал: назад. Петровичи тут же убрались, как ему почудилось, с радостью. У них наверняка заложило уши и тряслись поджилки.

Вдгон Петровичам из глубины леса понесся свист-скрежет. Все такой же противный, но уже не очень страшный.

Мертвая баба на тропинке сучила ногами. От нее одуряюще несло зверем. Молодая так не пахла.

Илья взмахнул плеткой, стряхивая кровь. Глядел в сторону леса и ждал, когда пройдет звон в ушах, сменивший глухую пустоту. Звенело аж до боли. Что-то будет, когда он сойдется вплотную с Соловым. Не стать бы до скончания века тугоухим. С другой стороны – вылез бы Соловый прямо сейчас. И пускай старый волот гораздо быстрее да ловчей своей бабы, умнее ее, наконец. Зато он тоже чувствует боль. Пару раз попасть семихвосткой... Хорошо бы по морде, чтобы прикрыл ее лапами и стал вовсе беззащитен хоть на миг. Соловый всего лишь несчастная тварь, он не виноват, что такой. Убить его быстро. Прикончить. И домой.

Илья свистнул. Потом зарычал.

Лес не отозвался. Только ел храбра злыми глазами. Илья повернулся к лесу спиной, уставился на бабу. Та уже не сучила ногами. Под ней разливались пятна, большое красное и небольшое желтое.

Илья сплюнул и медленно пошел к селу.

Никто не выскочил из леса ему вслед. Это было плохо. Значит, твари вправду напуганы. Но к ночи осмелеют. Явятся, уткнутся в стену огня – а дальше? Поди догадайся, что им придет на ум. Возьмут, да просто ломанутся вперед с голодухи – все сразу. Кого в дверях пришибешь, а кто и в дом пролезет. Как Илья ни хорохорился, а сражаться с матерым волотом на тесном постоялом дворе ему не улыбалось. В драке нос к носу любой неверный шаг может стать последним. Судя по размерам мамаша, Соловый вовсе чудовище. Если ему удастся облапить храбра, прижать к груди, Илья хрустнет и треснет. И Петровичи не спасут, втроем они только помешают друг другу, биться надо один на один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.